

Популярная Библиотека

Н. - Рубакинъ.

КАКЪ И КОГДА
РАЗНЫЕ НАРОДЫ
НАУЧИЛИСЬ ГОВОРИТЬ
КАЖДЫЙ
НА СВОЕМЪ ЯЗЫКЪ?

Издание книжного магазина М. Н. Майзеля
MAX N. MAIBEL, 424 GRAND ST., NEW YORK

Н. Рубакинъ.

КАКЪ И КОГДА
РАЗНЫЕ НАРОДЫ
НАУЧИЛИСЬ ГОВОРИТЬ
КАЖДЫЙ
НА СВОЕМЪ ЯЗЫКЪ?

WAR PRISONERS AID.
WORLD'S COMMITTEE

GENEVA, SWITZERLAND

Издание Книжного Магазина М. Н. Майзеля

Нью-Йоркъ, 1918.

Какъ и когда разные народы научились говорить каждый на своемъ языкѣ?

Сколько на свѣтѣ разныхъ языковъ?

Въ настоящее время на всей землѣ существуетъ болѣе восьмисотъ разныхъ языковъ. Въ одной только Азіи насчитано 153 языка, въ Африкѣ — 114, въ Австраліи и Океаніи — 117, въ Америкѣ — 423, въ Европѣ — 53. Это не считая нарѣчій. А если считать и нарѣчія, то всѣхъ ихъ на землѣ больше трехъ съ половиною тысячъ.

Значить, вотъ сколько на свѣтѣ разныхъ языковъ. На иномъ говорятъ сотни милліоновъ людей, а на иномъ всего лишь два-три десятка человекъ. Иной языкъ, напримѣръ, англійскій, можно услышать въ любомъ уголкѣ земли, а иного нигдѣ не услышишь, кромѣ какого-нибудь медвѣжьяго угла, самаго дикаго.

Каждый языкъ—чудо изъ чудесъ.

Но вотъ что удивительно: всѣ люди, рѣшительно всѣ, говорятъ непремѣнно на какомъ-нибудь языкѣ. Рѣшительно всѣ, кромѣ больныхъ и уродовъ, и на этомъ языкѣ могутъ высказать, выразить любую свою мысль, любое желаніе, любое чувство, — все, что угодно, все, что есть на душѣ. И не просто выразить, а такъ, что ихъ всѣ слова пойметъ любой человекъ, говорящій на томъ же языкѣ.

Почему же пойметъ? Да потому, что каждое слово, сказанное человекомъ, что-нибудь да означаетъ.

Слово—звукъ. Но когда слышишь этотъ звукъ, на умъ сама собой приходитъ *мысль*,—та самая мысль, которая была въ это время въ головѣ человека, сказавшаго это слово.

Ее-то оно и означаетъ.

Для иноплеменнаго человека это слово—звукъ цу-

стой, а для своего земляка оно ничто иное, какъ мысль, выраженная звукомъ.

Какъ же такъ случилось, что всѣ люди стали по звукамъ узнавать мысли другихъ людей? Съ перваго раза кажется, что языкъ человѣческій, дѣйствительно, чудо изъ чудесъ. Невольно думаешь, что всѣ люди должны были когда-нибудь да столкнуться какимъ-нибудь способомъ насчетъ каждаго слова, что, собственно, оно должно между ними означать. А въ иномъ языкѣ больше ста тысячъ словъ. Какъ же тутъ столкнешься насчетъ всѣхъ ихъ со всѣми другими людьми своего народа.—людьми, которыхъ иной разъ и въ глаза не видишь? Да, великое чудо—языкъ человѣческій, сложная онъ штука.

Но и сложную штуку можно понять и уразумѣть, нужно только знать, съ какой стороны подойти къ ней и къ ея уразумѣнію. А подходить ко всему съ этой цѣлью надо такъ: сначала уразумѣть то, что попроще, а потомъ ужъ приниматься за распутываніе и того, что посложнѣе.

На какомъ языкѣ и какъ говорятъ между собой животныя?

Вотъ, на примѣръ, языкъ звѣрей и птицъ. Есть ли у звѣрей, у птицъ и у другихъ животныхъ какой-нибудь ихъ собственный языкъ? Разумѣется, есть. Это видно изъ того, что звѣрь звѣря и птица птицу отлично понимаютъ. А они не безгласныя твари. Они тоже кричатъ и издаютъ звуки. Они присматриваются другъ къ другу и многое понимаютъ не только по звукамъ, а по одному виду. На примѣръ, въ лошадиномъ табунѣ лишь только насторожить уши какая-нибудь одна лошадь, смотришь—насторожились и другія. Или вотъ птичья стая. Испугайся хоть одна птица въ этой стаѣ и вспорхни на воздухъ, смотришь—вспорхнули и другія птицы. Тутъ испугавшейся птицѣ даже и кричать не нужно. Стоитъ лишь полетѣть такъ, чтобы видѣли и другія птицы той же породы и даже другихъ породъ,—тогда иной разъ и всѣ онѣ полетятъ. Почему? Да потому, что онѣ уже по одному виду чуютъ, изъ-за чего полетѣла та птица.

Словомъ сказать, звѣрь звѣря, птица птицу понимаютъ даже по однимъ тѣлодвиженіямъ: стоитъ одному кому-нибудь пошевелиться, а другіе ужъ понимаютъ, почему тотъ шевелится.

Значить, тѣлодвиженія,—тотъ же языкъ, потому что

такимъ способомъ, съ ихъ помощью, одна тварь отлично понимаетъ другую.

Да иначе и быть не можетъ. Какъ же ей не понимать испуга или радости другой такой же самой твари, если и она сама всегда выражаетъ свой испугъ и свою радость совершенно такимъ же способомъ?—И волей-неволей выразить. Не удержится, потому что у нея и глаза, и уши, и сердце, и мозгъ, и умъ, и чувства почти такіе же, какъ и у другихъ животныхъ ея породы.

Значить, вотъ откуда берется пониманіе между разными животными одной и той же породы—отъ тѣлеснаго устройства ихъ, а именно—отъ самаго сходства въ этомъ ихъ устройствѣ. Любой воробей, любой волъ и всякое другое животное радуется или печалится именно потому, что того требуетъ его тѣлесное устройство. Всѣ попугаи отъ радости крыльями хлопаютъ, всѣ собаки хвостомъ виляютъ. Какъ же имъ не понимать радости и горя другихъ такихъ же тварей по такимъ же тѣлодвиженіямъ ихъ?

Ну, а если звѣрь звѣрю и птица птицѣ будутъ еще и голосъ подавать, напимѣрь, кричать, пѣть? Разумѣется, другія животныя той же породы и по голосу поймутъ чужую радость и горе другихъ такихъ же существъ, какъ и они сами. Поймутъ по той же причинѣ, почему понимаютъ и чужія тѣлодвиженія. Вѣдь въ голосѣ, въ крикахъ, въ пѣннн то же могутъ звучать и горе, и радость, и испугъ, и какія угодно другія чувства. И, дѣйствительно, звучать. Это знаетъ всякій. Поэтому-то птица съ птицей, звѣрь со звѣремъ и могутъ переговариваться *одними криками*, безъ всякихъ словъ.

Но вѣдь и крики бываютъ разные,—одинъ на другой непохожіе. Иные звѣри умѣютъ выть, рычать, ворчать на многое множество голосовъ и тоновъ. Птицы тоже поютъ и кричатъ по-разному. Стоить, напимѣрь, прислушаться къ куринымъ разговорамъ и крикамъ. Любая курица можетъ кричать на множество ладовъ: когда ей нужно созывать цыплятъ для ѣды,—она клохчетъ однимъ голосомъ. Когда она чего-нибудь испугалась, она кричитъ иначе, и словно выговариваетъ «куррр...» Когда курица снесла яйцо, она заливается опять иначе. Когда за нею гонится кошка или собака, — курица опять кричитъ на особый ладъ. Словомъ сказать, она подаетъ при разныхъ обстоятельствахъ разные голоса. И другія птицы ея же породы отлично понимаютъ, что означаетъ такой крикъ.

И такъ, не у однѣхъ только куръ, а и у другихъ птицъ. Точно такъ же и у звѣрей. Они кричатъ по разному, смотря по обстоятельствамъ. А про обезьянъ даже рассказываютъ, что у нихъ есть свой особый языкъ,—онѣ выговариваютъ даже какія-то слова на этомъ своемъ языкѣ. И у всѣхъ животныхъ каждый голосъ означаетъ что-нибудь особое, и каждый звукъ понимается на его собственный ладъ.

Такъ развѣ же это не тотъ же разговоръ при помощи разныхъ криковъ? Развѣ же эти крики не замѣняютъ словъ? Развѣ же они не есть выраженіе чувства и вообще внутренняго духовнаго состоянія? Крики животныхъ, это хотя и не человѣческія, а все-таки въ родѣ, какъ *слова*. Это хоть и не человѣческій, а все-таки языкъ.

Какъ люди переговариваются безъ словъ? Языкъ тѣлодвиженій.

Да вѣдь и человѣкъ въ своемъ разговорѣ не обходится безъ звѣриныхъ и птичьихъ ухватокъ. Никто изъ насъ не разговариваетъ безъ тѣлодвиженій. Мы тоже звуками голоса выражаемъ наше внутреннее чувство и мысль. Посмотрите-ка на разговаривающаго человѣка: онъ и руками машетъ, и плечами шевелитъ, и пальцами тычетъ, и брови хмуритъ, а о голосѣ и говорить нечего. Во время всякаго разговора голосъ то и дѣло мѣняется: то онъ жалобный, то сердитый, то веселый, то громкій, то тихій, то льстивый, то иной какой. Значитъ, слова словами, а безъ тѣлодвиженій да безъ разныхъ выраженій голоса ни одинъ человѣкъ во время разговора обойтись не можетъ. Значитъ, тѣлодвиженія и перемѣны въ голосѣ нужны и для разговоровъ человѣка съ человѣкомъ, подобно тому, какъ это самое нужно и звѣрямъ, и птицамъ.

Особенно же много звѣринаго въ языкахъ разныхъ дикихъ народовъ. Есть такіе народы, которые совершенно не могутъ понимать другъ друга, не шевеля при этомъ руками. Путешественники рассказываютъ о чернокожихъ дикаряхъ, какъ они переговариваются другъ съ другомъ. Есть такіе дикари, которые не могутъ понимать одного, если разговариваютъ въ темнотѣ. Почему такъ? Да потому, что имъ почью не видать, какъ они руками машутъ, дополняя свои рѣчи.

Понадобилось, на примѣръ, одному дикарю-негру сказать, что онъ завтра пойдетъ въ лѣсъ. А такого слова

«завтра» вовсе нѣтъ на языкѣ у ихъ негровъ. Какимъ же способомъ, въ такомъ случаѣ, негръ выражаетъ эту самую свою мысль? Онъ говоритъ для этого три слова: «лѣсъ», «итти», «день», но при этомъ тычетъ пальцемъ впередъ. Это означаетъ у него «день впередъ», то-есть «завтра». Такимъ способомъ, при помощи пальцевъ негръ все таки ухитряется высказать другому негру то самое, что ему нужно: «Завтра я пойду въ лѣсъ». И всякій другой негръ отлично пойметъ его, несмотря на то, что на ихъ языкѣ вовсе нѣтъ слова «завтра».

Такимъ же способомъ, при помощи тѣлодвиженій, дикарь можетъ высказать, что онъ былъ въ лѣсу вчера. Для этого онъ говоритъ опять тѣ же самыя слова: «лѣсъ», «итти», «день», а затѣмъ тычетъ пальцемъ назадъ. Это у него означаетъ, что день тому назадъ онъ былъ въ лѣсу.

А идетъ ли рѣчь о завтрашнемъ или вчерашнемъ днѣ, это дѣлается понятнымъ другимъ дикарямъ только при помощи тѣлодвиженій. Дикари должны ихъ видѣть, а не только слышать слова. Въ темнотѣ дикари не поймутъ словъ. Поэтому они ночью и не могутъ такимъ способомъ разговаривать.

Значить, пальцы, руки и вообще тѣлодвиженія растолковываютъ, разъясняютъ негру настоящія человѣческія слова. Тѣлодвиженія могутъ даже замѣнять ихъ. Рассказываютъ объ американскихъ индѣйцахъ, какъ они переговариваются между собою посредствомъ тѣлодвиженій. Они чинно усаживаются около горящаго костра и принимаютъ молча за разговоръ. *Молчатъ и—разговариваютъ*,—при помощи рукъ и вообще тѣлодвиженій. Напримеръ, одинъ индѣецъ рассказываетъ другимъ, что онъ путешествовалъ цѣлыхъ три мѣсяца зимой, пѣшкомъ и въ лодкѣ. Вотъ какъ онъ разговариваетъ при помощи рукъ. Сначала онъ поднимаетъ руки и изображаетъ пальцами полумѣсяцъ и кругъ. Это у него означаетъ: «луна новая—полумѣсяцъ, полная—кругъ». Такія тѣлодвиженія индѣецъ продѣлываетъ три раза. Это означаетъ, что луна полная и новая три раза,—то-есть три такихъ луны, три мѣсяца. Затѣмъ дикарь изображаетъ двумя пальцами одной своей руки на ладони другой, какъ люди ходятъ пѣшкомъ. Это означаетъ въ его рассказѣ: «я шелъ пѣшкомъ». Затѣмъ дикарь двигаетъ обѣими руками на подобіе того, какъ дѣйствуютъ веслами. Это означаетъ: «я путешествовалъ и въ лодкѣ». Затѣмъ дикарь начинаетъ весь дро-

жать, словно ему холодно. Это дрожаніе означаетъ, что онъ путешествовалъ зимою, во время холодовъ. Такимъ способомъ дикарь и передаетъ другимъ дикарямъ при помощи рукъ и вообще тѣлодвиженій все, что ему было нужно сказать о своемъ трехмѣсячномъ путешествіи зимой, пѣшкомъ и въ лодкѣ.

Вотъ какимъ способомъ могутъ переговариваться между собою люди при помощи тѣлодвиженій, даже безъ всякихъ словъ. Это тоже языкъ, только молчаливый. Подобно этому переговариваются и глухонѣмые. Они только такимъ способомъ и могутъ переговариваться. Разговаривать словами они не способны, потому что глухи отъ рожденія. Они хоть и растутъ на людяхъ, но совершенно не слышать ни одного человѣческаго слова. Оттого имъ совершенно не возможно научиться разговаривать словами. Новѣдъкакъ-ни-какъ, а глухонѣмые—тоже люди,—у нихъ есть человѣческій мозгъ, есть умъ, есть мысли и чувства. Глухонѣмые могутъ передавать ихъ другимъ людямъ при помощи тѣлодвиженій, безъ всякихъ словъ. И вотъ что особенно интересно: эти ихъ тѣлодвиженія—почти такія же, какъ у дикарей: любой дикарь съ перваго же разу научается понимать глухонѣмого, а глухонѣмой—дикаря. Почему такъ? Да потому, что почти всѣ ихъ тѣлодвиженія вполне естественны и для каждаго ясно, что онѣ означаютъ.

Значитъ, люди могутъ разговаривать и безъ словъ. Они понимаютъ другъ друга и разговариваютъ, даже и *не зная никакихъ человѣческихъ словъ*. Они прямо передаютъ другъ другу свои мысли, свои чувства и вообще все, что есть на душѣ. Чтобы имѣть мысли и чувства, вовсе не нужно знать словъ. Мысли могутъ быть сами по себѣ, а слово человѣческое, языкъ—самъ по себѣ. Иначе говоря, люди не всегда думаютъ словами. Чтобы думать словами, нужно, чтобы каждое слово выражало какую-нибудь мысль, а каждая мысль напоминала какое-либо слово.

**Выражать при помощи тѣлодвиженій свои мысли труднѣй, чѣмъ
выражать свои чувства.**

Но одними тѣлодвиженіями не скажешь всего того, что говоришь словами. О простыхъ житейскихъ дѣлахъ такъ еще можно разговаривать кое-какъ. Но чѣмъ сложнѣй дѣло, тѣмъ труднѣе о немъ разговаривать безъ словъ. Особенно же трудно передавать при помощи тѣлодвиженій

свои разсужденія. Это не то, что передавать чувства. Вѣдь и птицы, и звѣри умѣютъ передавать другимъ животнымъ своей породы свои чувства. Но животныя не разсуждаютъ, а у людей есть въ умѣ всегда хоть какія-нибудь разсужденія. Передавать ихъ при помощи пальцевъ уже мудрено. Чѣмъ замысловатѣе слово, тѣмъ труднѣй его выразить такимъ способомъ. Какъ выразить при помощи рукъ такое слово, какъ напимѣръ, «хорошій», или слово «думать», «говорить правду», «обусловливать»? Индѣйцы выражаютъ слова «говорить правду» такъ: указательный палецъ, простертый ото рта, означаетъ у нихъ «говорить правду»,—одинъ языкъ—это и значить «правдивое слово». Два пальца, поставленные около рта и растопыренные, это означаетъ «говорить ложь, быть двуязычнымъ». Слово «хорошее» индѣйцы выражаютъ движеніями руки ото рта, при чемъ большой и указательный пальцы складываютъ вмѣстѣ концами, а остальные три пальца поджимаются. Такое тѣлодвиженіе дѣлается похожимъ на дѣтскій воздушный поцѣлуй. Глухонѣмые тоже понимаютъ, что оно означаетъ. Слово «думать» индѣйцы выражаютъ, положивши палецъ правой руки поперекъ груди. Почему же такимъ способомъ выражается слово «думать?» Потому что таковъ обычай, такое обыкновеніе. Ну, а если кто его не знаетъ, какъ ему тогда понять, что означаетъ прикладываніе пальца къ груди? Иной и не понимаетъ такого тѣлодвиженія, а иной понимаетъ его неправильно. Значить, языкомъ тѣлодвиженіи нельзя выразить всего, что выражается языкомъ словеснымъ. Очень много въ каждомъ человѣкѣ такихъ мыслей и чувствъ, которыя можно высказать лишь словесно. Особенно, если это человѣкъ образованный и умственно развитой.

Выраженію чувствъ помогаетъ голосъ.

Подобно тѣлодвиженіямъ, въ разговорѣ сильно помогаетъ человѣку то, какимъ голосомъ и съ какимъ чувствомъ онъ выговариваетъ слова. Выраженіе голоса значить въ разговорѣ человѣческомъ очень много. Оно даже замѣняетъ многія слова. Напимѣръ, у одного дикаго племени вовсе нѣтъ словъ «горе» и «радость». Когда дикарь хочетъ сказать «горе», онъ говоритъ «ай» или «вей», но жалобнымъ голосомъ, а когда ему нужно сказать слово «ра-

дость», онъ говоритъ тоже «ай» или «вей», но только радостнымъ голосомъ. Значить, одно и тоже слово выражаетъ совсѣмъ разное, смотря по тому, какимъ голосомъ оно сказано, и такимъ способомъ замѣняетъ недостатокъ словъ.

У разныхъ народовъ разное количество словъ въ языкѣ.

А у дикихъ народовъ нѣтъ на языкѣ очень многихъ словъ. Совсѣмъ нѣтъ, потому что они еще не придуманы и не вошли въ обиходъ. Языкъ дикихъ народовъ вовсе не то, что, на примѣръ, языкъ русскій или англійскій. Въ русскомъ языкѣ насчитывается около ста тысячъ словъ, въ нѣмецкомъ еще больше, въ англійскомъ еще больше. А въ языкѣ какихъ-нибудь американскихъ краснокожихъ индѣйцевъ, всего лишь нѣсколько тысячъ словъ. Но и это еще много: есть на западномъ берегу Африки такія племена дикихъ негровъ, въ языкѣ которыхъ насчитано всего лишь 350 или 400 разныхъ словъ. Такъ бѣдны разными словами иные языки, на которыхъ говорятъ нѣкоторыя дикія племена. Вотъ почему волей-неволей разнымъ дикарямъ приходится пускать въ ходъ тѣлодвиженія, говорить разные слова разнымъ голосомъ.

Какихъ словъ недостаетъ въ языкѣ темныхъ и необразованныхъ, людей?

Да что тамъ дикари,—даже въ одномъ и томъ же родѣ, на примѣръ, русскомъ, образованные люди знаютъ гораздо больше русскихъ словъ, чѣмъ люди необразованные. Многія чисто русскія слова совершенно непонятны для человѣка необразованнаго. Вотъ, на примѣръ, слова «тождество», «міросозерцаніе», «исчисленіе», «проявленіе» и многое множество другихъ. Спроси-ка у русскаго крестьянина, прожившаго свой вѣкъ въ какой-нибудь глухой деревушкѣ, что собственно означаютъ эти чисто русскія слова? Они хотя слова и чисто русскія, а все таки понятны не всякому русскому человѣку. Но и это еще что! Иныя слова и понимаются-то далеко не всѣми людьми на одинъ и тотъ же манеръ. Вотъ, на примѣръ, самое обыкновенное русское слово «тѣло». Что значитъ «тѣло?» Деревенскій человѣкъ обыкновенно понимаетъ подъ этимъ словомъ свои руки, свои ноги, вообще тѣло,—тѣло какого-нибудь живого существа. А въ ученыхъ книгахъ оно обыкновенно означаетъ все то, что можно ощупать руками. И камень—

тѣло, и вода—тѣло, и воздухъ—тѣло. Или вотъ еще, на-
 примѣръ, слово «явленіе». На деревенскомъ языкѣ слово
 «явленіе», это что-то въ родѣ чуда. Напримѣръ, явленіе
 мощей; явленія святыхъ и что-нибудь другое въ этомъ же
 родѣ. А на языкѣ ученыхъ людей это же самое слово озна-
 чаетъ всякую перемену, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни прои-
 зошла. Напримѣръ, радуга,—это явленіе, огонь—это явленіе,
 тепло, холодъ, жизнь, смерть—все это явленія. Зна-
 чить, выходитъ такъ, что иной разъ русскій человѣкъ не
 пойметъ русскаго же человѣка, потому что не знаетъ мно-
 гихъ русскихъ словъ или понимаетъ и русскія же слова
 на какой-нибудь свой ладъ.

Чтобы понимать какое-либо слово, нужно знать, въ ка-
 комъ смыслѣ оно говорится. Слова, которыя имѣютъ общій
 духовный смыслъ, обыкновенно непонятны темнымъ лю-
 дямъ, какъ и дикарямъ.

Почему же у необразованныхъ людей и дикихъ пле-
 менъ гораздо меньше словъ въ языкѣ, и почему они не
 знаютъ настоящаго смысла многихъ словъ? А потому, что
 жизнь такихъ людей и племенъ *гораздо проще*, чѣмъ у
 образованныхъ. А для болѣе простой жизни вовсе не тре-
 буются многихъ словъ. Напримѣръ, дикари-австралійцы
 живутъ въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ. Эти ди-
 кары даже не знаютъ иной разъ, что это такое рѣка. Весьма
 понятно, что на ихъ языкѣ и нѣтъ словъ такихъ «озеро»
 и «рѣка». Долгое время дикари никогда и не видали ни
 ружей, ни пушекъ. Разумѣется, у нихъ не было придумано
 и словъ для обозначенія ружья или пушки. Чего не ви-
 далъ и чего не знаешь,—того, разумѣется, никакъ и не на-
 зовешь. Что же дѣлать въ этомъ случаѣ какому-нибудь
 человѣку изъ какого-нибудь дикаго племени, коли въ его
 языкѣ не хватаетъ многихъ словъ для выраженія его мы-
 слей и чувствъ? Пока не придуманы новыя слова, имъ
 поневолѣ нужно обходиться какъ-нибудь инымъ спосо-
 бомъ,—просто-напросто дополнять слова руками, да выра-
 женіемъ голоса, подобно тому, какъ это дѣлаютъ звѣри и
 птицы.

**У разныхъ народовъ много одинаковыхъ восклицаній. Какъ изъ
 нихъ составляются новыя слова?**

Путешественники рассказываютъ, что языкъ иныхъ
 дикарей дѣйствительно похожъ на звѣриный. У нихъ не
 отдѣлишь и не отличишь одного слова отъ другого. Всѣ

слова въ ихъ разговорѣ словно сливаются, да и звуки разговора сильно смахиваютъ на звѣриныя. Напримѣръ, африканскіе дикари-готтентоты во время разговора то и дѣло причмокиваютъ и щелкаютъ языкомъ. Такихъ звуковъ никакой буквой не обозначишь. Дикари нѣкоторыхъ другихъ племень, когда разговариваютъ, такъ булькаютъ, словно ротъ полощутъ. А восклицанія «ой», «ай», «хо», «хе» такъ и слышатся у нихъ во время разговора очень часто. Всѣ такіе звѣриныя крики очень нужны дикарю для выраженія его мыслей. Особенно же полезны дикарямъ такія ихъ восклицанія, которыя выражаютъ то горе, то радость, то иное какое-нибудь чувство. Эти самыя восклицанія есть и въ нашемъ русскомъ разговорѣ и называются *междометіями*. Вѣдь и мы тоже иногда восклицаемъ «ой», «ай», и каждое такое восклицаніе тоже выражаетъ какое-нибудь наше чувство,—то горе, то радость или что-нибудь иное. И вотъ что достойно вниманія. Вѣдь мы, русскіе, вовсе не дикари, а все таки такія восклицанія и у насъ—тѣ же самыя, какъ и у дикарей. Они сами собой сочиняются и сами собой появились у всѣхъ народовъ. Онѣ сами собой выходятъ изъ глубины человѣческой души.

Откуда и какъ появляются новыя слова, напримѣръ, названія животныхъ?

Почему же дикари не сочиняютъ новыхъ словъ, коли имъ не хватаетъ старыхъ? Они и сочиняютъ понемногу все новыя и новыя слова. Сочинительство новыхъ словъ и по сіе время идетъ на всемъ свѣтѣ, и у дикихъ племень, и у образованныхъ народовъ. Да оно и всегда шло и тысячи и даже милліоны лѣтъ тому назадъ. Путешественники рассказываютъ, какъ сочиняютъ новыя слова дикари. Выходитъ это у нихъ само собой. Такъ, напримѣръ, однажды какой-то дикарь услышалъ въ первый разъ, какъ стрѣляли изъ ружья, и назвалъ тотчасъ же ружье «пу». Индѣецъ въ первый разъ увидѣлъ корову и сталъ называть ее «мму». Кукушка у очень многихъ народовъ называется «ку-ку». Дѣти называютъ кошку «мяу-мяу». Вотъ такимъ способомъ и появились многія слова, и къ тому же появились сами собой. И всякому ясно, почему они появились у разныхъ народовъ, на разныхъ концахъ земли и почему они одинаковы повсюду.

Въ иныхъ странахъ дикари живутъ семьями или ро-

дами, но семья отъ семьи далеко. Въ такихъ семьяхъ то и дѣло сочиняются новыя слова. Напримѣръ, одинъ какой-нибудь человѣкъ придумаетъ и скажетъ какое-нибудь новое словечко. Другой человѣкъ его услышитъ, пойметъ, запомнитъ, подхватитъ, а тамъ и самъ скажетъ, а отъ него кто-нибудь другой услышитъ и тоже пойметъ и запомнитъ. Смотришь,—и пошло слово въ ходъ въ этой семьѣ. Если семья невелика, такъ не трудно новымъ словамъ входить въ общій обиходъ.

Какъ новыя слова въ языкѣ сочиняются дѣтьми?

Еще много новыхъ словъ придумывается, сочиняется малолѣтними дѣтьми. Какъ извѣстно, всякое дитя шевелитъ кое-какъ губенками и старается выговорить какое-нибудь слово, а родители слушають и повторяютъ. Самый легкій звукъ для ребенка—пыхтѣніе. Пыхтятъ даже новорожденные. А при пыхтѣніи выходитъ слово «па», или «ма», смотря по тому, дѣйствуютъ ли однѣ губы или вмѣстѣ съ губами и глотка. А изъ такого пыхтѣнія сами собой выходятъ и слова, напримѣръ, слово «па-па», или «ма-ма», или «ба-ба». Потому у всѣхъ народовъ такими самыми словами «па», «ба», «ма», называются родители ребенка. Взрослые люди думаютъ, что дитя именно ихъ-то такъ и называетъ. А на самомъ дѣлѣ, самые малолѣтніе младенцы вовсе и не понимаютъ, да и не могутъ понимать какихъ-либо названій. Они еще ничего и никого и никакъ не называютъ. Младенцы просто-напросто пыхтятъ или кричатъ, шевеля губками. Родители подхватываютъ ихъ звуки и думаютъ, что они означаютъ то-то и то-то, а прежде всего, что такими звуками обозначаютъ дѣти своихъ родителей. Поэтому, у многихъ народовъ слово «па» или «папа» означаетъ отца. Но у другихъ народовъ это же самое слово «па» означаетъ не отца, а мать, а слово «ма» или «мама» означаетъ отца. Напримѣръ, по-грузински «мама» значитъ отецъ. По-сіамски отецъ тоже значитъ «ма», а не «па». На другомъ концѣ свѣта, въ Америкѣ, на языкѣ сѣверно-американскихъ индѣйцевъ изъ племени «Тлатсканаи» отецъ тоже значитъ «мама». А вѣдь эти индѣйцы живутъ далеко отъ грузинъ,—и все таки отца же называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ.

А слово «мать» на многихъ языкахъ значитъ «па» или что-нибудь въ этомъ родѣ. По-грузински мать значитъ

«деда». На языкѣ одного южно-американскаго индѣйскаго племени мать значитъ «аппе». По-русски «баба» значитъ женщина, а по-татарски «баба» значитъ «дѣдъ». А на языкѣ одного негритянскаго племени «баба» значитъ «отецъ.» Всѣ такія слова пошли впервые въ ходъ между людьми отъ дѣтскаго безсмысленнаго лепета. А дѣти лепетали ихъ такъ потому, что ихъ губы такъ устроены. Поэтому и оказалось, что названія родителей во многомъ похожи на языкахъ разныхъ народовъ, хотя эти народы живутъ въ разныхъ концахъ земли одинъ отъ другого за тысячи верстъ.

Какъ взрослые люди сочиняютъ новыя слова?

Многія слова, какія встрѣчаются въ человѣческомъ языкѣ пошли и идутъ въ ходъ, еще вотъ какимъ способомъ: изъ двухъ, трехъ старыхъ словъ составляется одно новое. Напримѣръ, въ китайскомъ языкѣ вовсе нѣтъ слова «толпа». Какимъ же способомъ китаецъ даетъ понять другому китайцу, что вотъ рѣчь идетъ о толпѣ? А вотъ какимъ. На китайскомъ языкѣ есть слово «жинъ», что значитъ «человѣкъ». Кромѣ того, есть слово «ду», что значитъ «много». Изъ этихъ двухъ словъ китаецъ составляетъ третье слово «жинъ-ду», что значитъ, «люди-много». А много людей—это и значитъ *толпа*. Такимъ самымъ способомъ составляются изъ двухъ, а то и изъ трехъ слоговъ, очень многія слова. И въ нашемъ русскомъ языкѣ многія слова составлены изъ двухъ и изъ трехъ разныхъ словъ. Вотъ, напримѣръ, слово «благовѣсть»: и тутъ два слова—«благо» и «вѣсть». Или вотъ слово «добродушіе»,—оно составлено тоже изъ двухъ словъ—«добро» и «душа».

Или вотъ еще интересный примѣръ того, какъ ухитряются люди, когда на ихъ языкѣ не хватаетъ словъ. Живетъ въ Америкѣ нѣкое индѣйское племя—«Гидатсо». Когда-то индѣйцы этого племени дѣлали свои топоры изъ камня, а потомъ нашли желѣзо и мѣдь и стали дѣлать желѣзные и мѣдные топоры. Но до того времени на языкѣ этого племени вовсе не было такихъ словъ, какъ мѣдь и желѣзо. Какими же словами эти индѣйцы окрестили свою находку,—мѣдную и желѣзную руду? Вмѣсто желѣза они стали говорить «камень черный», а вмѣсто мѣди—«камень красный». Разумѣется, индѣйцы отлично понимали, что означаютъ эти слова и о чемъ собственно идетъ рѣчь.

Есть на Великомъ океанѣ большіе цвѣтущіе острова, которые называются островами Таити. Они лежатъ далеко отъ береговъ Америки и Китая, и на нихъ долгое время вовсе не водилось лошадей, а водились только свиньи. Но вотъ пріѣхали къ этимъ островамъ англичане и привезли съ собой лошадей. Какъ же назвали ихъ таитяне? Сочинили ли они какое-нибудь новое слово для ихъ обозначенія? Совсе нѣтъ. Они назвали лошадь «свиньей, носящей на себѣ человѣка». Такимъ способомъ таитяне обошлись и безъ сочиненія какихъ-либо новыхъ словъ.

Подобно имъ поступили американскіе индѣйцы изъ племени Сіу. Когда они впервые увидѣли лошадь, то окрестили ее «волшебной собакой». Такимъ способомъ названіе лошади у нихъ тоже составилось изъ двухъ словъ, которыя имъ были извѣстны и раньше.

Многія отдѣльныя слова въ нашемъ языкѣ составлены изъ нѣсколькихъ словъ, между собою соединенныхъ въ одно слово.

Очень многія слова на разныхъ языкахъ составлены изъ нѣсколькихъ словъ, такъ что иной разъ сразу и не замѣтишь, что тутъ не одно слово, а цѣлыхъ два. Вотъ, на примѣръ, слово «благодать». Тутъ ясно видно, что это слово составлено изъ двухъ словъ,—во-первыхъ, изъ слова «благо», а во-вторыхъ—изъ слова «дать». А вотъ слово «защитникъ». И оно составлено изъ нѣсколькихъ словъ: во-первыхъ, «за», во-вторыхъ, «щитъ», и въ-третьихъ, «никъ». Эти слова «за» и «никъ» встрѣчаются въ началѣ и концѣ многихъ словъ. На примѣръ, *заработокъ*, *работникъ*, *чайникъ*. Ясное дѣло, все это слова составныя. А вотъ, на примѣръ, слова «моего», «моему». И они составлены каждое изъ двухъ словъ: на примѣръ, въ слово «моего» входитъ, во-первыхъ, слово «мой», а во-вторыхъ, съ нимъ слито другое слово «его». «Моимъ» это значитъ «мой—имъ». «Моему» это значитъ «мой—ему».

Мы и не замѣчаемъ, что инныя слова составлены изъ двухъ словъ, когда говоримъ ихъ. Мы забыли, что многія наши слова когда-то складывались изъ нѣсколькихъ словъ. И не просто складывались, а вплотную сливались, и при этомъ даже немножко передѣлывались, измѣнялись.

Такъ, на примѣръ, мы не говоримъ теперь «добръ—его». вмѣсто этого мы прямо говоримъ «добраго». Не говоримъ «добръ—ему», «добръ—имъ», а просто «доброму», «добрымъ».

Иной разъ два разныхъ слова не только сливались въ одно слово, но при этомъ даже очень сильно измѣнялись, такъ что ихъ послѣ того и узнать нельзя сразу. Такъ, напримѣръ, возьмемъ три слова: «смерть, уморить, умираю». Слова какъ будто разные, а кое-что въ нихъ есть и одинаковое: «мор», «мир», «мер», «мр». Ученый человѣкъ можетъ, безъ особаго труда, узнать и понять, какое слово изъ какихъ словъ составилось, и что въ немъ самая суть или корень, а что *приставки да прибавки*. Корень всегда обозначаетъ самую суть слова, а приставки и прибавки выражаютъ оттѣнки его. Напримѣръ, вотъ слова «захаживать», «приходь», «выходка», «ходатай», «хожалый», «ходовой», «ходить», «уходить». И эти слова все разные. Но у всѣхъ у нихъ основа ихъ или корень одинъ и тотъ же, а именно: «ход» или «хожд» или «хож». Благодаря этой одинаковой основѣ, всѣ эти слова какъ бы сродни одно другому. Во всѣхъ этихъ словахъ одного и того же корня рѣчь идетъ о *хожденіи*, хотя и съ разными оттѣнками. А эти оттѣнки у разныхъ словъ разные: «захаживать» значить не совсѣмъ то, что «ходить», «приходь» не то что «выходка», или «ходатай». Отчего-же получаютъ разные оттѣнки у разныхъ словъ одного и того-же корня? А оттого, что у этихъ словъ одинаковъ-то *одинъ только корень*, а приставки да прибавки все разные. Напримѣръ, у одного слова приставка въ началѣ слово «за» (захаживать), у другого слова приставка «у» («уходить», ухаживать»), у третьяго «вы» (*выходить*», *выхаживать*»). Тоже и прибавки послѣ корня: «ходатай», *выходка*, *уходить*, *ходовой*» (все это прибавки *атай*, *ка*, *ить*, *овой*). Всѣ эти слова схожи по корню и всѣ различны по приставкамъ и прибавкамъ. И это бываетъ такъ не только съ этими, но и со *всякими* словами, какія только есть въ нашемъ языкѣ. У всѣхъ у нихъ непременно есть свой корень, да и приставки и прибавки встрѣчаются на каждомъ шагу. Значить, ясно, что корень и вправду есть основа всякаго слова. На этомъ-то корнѣ и держится самый смыслъ слова, то-есть, то главное, что оно выражаетъ.

Но и это еще не все. Этотъ корень—самая старинная часть всѣхъ тѣхъ словъ, въ которыхъ онъ имѣется. Это видно вотъ изъ чего: вѣдь всѣ тѣ слова получились благодаря тому, что къ началу и къ концу этого корня были приставлены разные другія словечки. Напримѣръ, въ словѣ «захаживать» впереди приставлено «за», а

въ концѣ приставлено «ивать»; въ словѣ «выходка» впереди приставлено «вы», а позади приставлено «ка». Въ словѣ «ходатай» въ концѣ приставлено «атай» и т. д. Чтобы приставить эти словечки «за» и «вы», «ивать» и др., нужно вѣдь, чтобы заранѣе было то, къ чему ихъ приставлять. А они приставляются къ корню. Значить, въ этихъ словахъ корень долженъ былъ явиться раньше, чѣмъ они. Другими словами, онъ старше ихъ. Приставки и прибавки, какъ сказано, выражаютъ всегда не самую суть слова, а лишь его отгѣнки. Отгѣнки и появились, но только позднѣе, — съ теченіемъ времени. Напримѣръ, въ словѣ «захаживать», конецъ слова «ивать» означаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о дѣйствиіи захаживанія; въ словѣ «ходатай» прибавка «атай» означаетъ, что тутъ рѣчь идетъ о чловѣкѣ и т. д.

Какъ изъ одного корня вырастаетъ множество разныхъ словъ?

Значить, дѣло было такъ: сначала появились у словъ корни, а потомъ къ нимъ стали приставляться приставки впереди и прибавки позади, а изъ нихъ, вмѣстѣ съ корнемъ, и вышли новыя слова. Приставокъ существуетъ множество, а потому, благодаря имъ, изъ одного корня можетъ выйти множество новыхъ словъ. Это смотря потому, какія приставки и прибавки къ нему прибавляются. И такъ было и бываетъ со всякимъ корнемъ: во время своихъ разговоровъ, люди приставляютъ и приставляли къ каждому корню то тѣ, то другія приставки и прибавки. Дѣлается это всегда для того, чтобы отгѣнить и лучше обозначить такое-то слово, — сдѣлать его болѣе понятнымъ для людей.

Но и этимъ дѣло не кончается. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напримѣръ, и въ нашемъ русскомъ, кромѣ приставокъ и прибавокъ еще перемѣняется немножко съ тою же цѣлью и самый корень, напримѣръ, изъ корня *мр* дѣлается въ словѣ «уморить» «мер» или «мир», (смерть, умираю). А корень «ход» передѣливается въ «хожд» («входъ», «вхожденіе»).

И такія перемѣны, бываютъ съ очень многими корнями въ нашемъ языкѣ: измѣняются они сами, — измѣняются, смотря по слову. Кромѣ корней измѣняются и приставки къ нимъ и прибавки въ началѣ и въ концѣ словъ. И все это для ясности рѣчи, для ея пуцей гибкости. А отъ этого

выходить вотъ что: благодаря приставкамъ, прибавкамъ, да перемѣнамъ въ корняхъ можетъ получиться изъ одного корня десять, двадцать, а иногда даже и сто новыхъ словъ, а то и больше.

Такъ и появилось множество словъ и въ русскомъ, и въ нѣмецкомъ, и во многихъ другихъ языкахъ. И у каждаго слова—свой особый смыслъ, свой оттѣночекъ, свое собственное значеніе, не совсѣмъ похожее на смыслъ и значеніе другихъ словъ.

Вотъ что дѣлаютъ прибавки, приставки и перемѣны въ корняхъ: благодаря имъ размножаются слова въ языкѣ.

Что такое корни, прибавки и приставки?

Но что же такое эти самыя прибавки и приставки и корни? Когда-то и они тоже были особыми словами. И у нихъ былъ свой смыслъ и свое значеніе. Вотъ, на примѣръ, въ словѣ «доброму», «добраго»: корень этихъ словъ—«добр», а около него въ концѣ есть приставки «ому», «аго». Что же это за приставки? Это тѣ же слова: «ему», «его». Слово «доброму» составлено изъ двухъ слившихся словъ: «добро», «ему». Слово «добраго» тоже составлено изъ двухъ словъ: «добро» и «его». У этихъ словъ «его», «ему» тоже есть свои корни. Или вотъ, на примѣръ, слово «входъ». Корень его «ход», а «в» или «въ» приставка. Когда то и она была особымъ словомъ, и у ней былъ свой корень, и она означала середину.

Какое-нибудь значеніе когда-то имѣли всѣ приставки и прибавки. И такъ во всѣхъ языкахъ, гдѣ онѣ имѣются. У всѣхъ у нихъ есть и были свои корни.

Откуда и какъ появляются корни словъ?

Но откуда же взялись эти самыя корни? Объ этомъ уже было сказано: всякій звукъ, вылетѣвшій изъ человѣческихъ устъ, можетъ сдѣлаться корнемъ. Такъ, на примѣръ, изъ многихъ самыхъ обыкновенныхъ восклицаній вышло множество словъ: изъ восклицанія «охъ» вышли слова «охать», «оханье», «охающій», «подохивать»; изъ восклицанія «ахъ» вышли слова «ахать», «аховый», «ахтительный». Такія восклицанія вылетаютъ изъ груди сами собой, на примѣръ, отъ боли, отъ радости, отъ удивленія, а вылетѣвши, дѣлаются корнями очень многихъ словъ.

Такъ и теперъ бываетъ у всѣхъ народовъ, не только у русскаго. Такъ было и во всѣ времена. Такимъ способомъ сочинено изъ каждаго восклицанія множество новыхъ словъ, а сами восклицанія сдѣлались ихъ корнями. И каждый корень обросъ понемножку приставками и прибавками и попалъ въ самую сердцевину многихъ словъ.

Точно такъ же стали корнями и такіе звуки, какъ на-примѣръ, «ку-ку», «мяу», «му», «ммы». Что они такое? Это просто-напросто *звукоподражанія*, на-примѣръ, подражаніе кукованію кукушки, мяуканью кошки, мычанью коровы. Такого рода звуки оказывается корнями даже очень многихъ словъ. Съ ними случилось тоже, что и съ обычными и естественными восклицаніями: къ нимъ, во время разговоровъ, люди стали приставлять впереди приставки, а позади прибавки. И появилось такимъ способомъ и изъ этихъ звукоподражаній тоже множество разныхъ новыхъ словъ, на-примѣръ, «кукушка», «куковать», «закуковать», «мяуканье», «замяукать», «мычать», «мычанье» и много разныхъ другихъ.

Во всякомъ человѣческомъ языкѣ много такихъ словъ, которыя напоминаютъ разные звуки даже вовсе нечеловѣческіе. На-примѣръ, слова «громъ», «грохотъ» напоминаютъ раскаты грозы. Развѣ когда грохочетъ гроза или какой иной грохотъ не слышится намъ въ ихъ шумѣ «трррр?».... Или вотъ слово «барабанъ»: онъ напоминаетъ барабанный бой: «бара-бара-бара...бань,» стучать барабанныя палочки по кожѣ. Или вотъ слова «звонъ», «перезвонъ»: они напоминаютъ звенящіе звуки; слово «журчанье», «журчащій» напоминаютъ плескъ воды бѣгущаго ручейка. Слова «жужжанье», «вой» — тоже похожи на звуки природы. Много такихъ словъ въ каждомъ человѣческомъ языкѣ. Сходны они у разныхъ народовъ, хотя тѣ и живутъ въ разныхъ концахъ свѣта. И повсюду такія слова появились сами собой, потому что люди невольно подражаютъ разнымъ звукамъ при помощи своего рта. Услышатъ звукъ — и воспроизведутъ его при помощи собственнаго горла.

Иной разъ бываетъ такъ: одинъ какой-нибудь народъ живетъ далеко отъ насъ въ Африкѣ, а другой въ Россіи, но тотъ и другой народъ придумали почти одинаковыя слова для обозначенія одинаковыхъ предметовъ. Вотъ, на-примѣръ, такой предметъ, какъ «колоколъ». Далеко отъ насъ живутъ дикари американцы, которые придумали для него названіе «ква-ля-ква-ляль». Это ихъ слово звучитъ

почти такъ же, какъ наше русское слово «колоколъ». По-нѣмецки колоколъ «глокке», по-французски «клош». И въ этихъ словахъ есть тоже кое-что схожее съ русскимъ.

Почему жѣ такое сходство? Откуда оно взялось? Появилось оно само собой, благодаря звукоподражанію. Или встѣ, напрімѣръ, слово «пушка». Даже маленькія дѣти говорятъ «пу», подражая выстрѣлу. И многіе дикари называютъ ее «пу-пу». Или вотъ по нашему «громъ», а у дикарей «бамъ». Здѣсь тоже подражаніе грому. И въ этихъ двухъ словахъ есть сходство русскаго языка съ дикарскимъ.

Вотъ такимъ способомъ, благодаря звукоподражанію, появилось въ разныхъ человѣческихъ языкахъ множество сходныхъ словъ. Въ такомъ ихъ появленіи, разумѣется, нѣтъ ничего чудеснаго. Все выходило и выходитъ само собой, просто и естественно. И такъ ведется съ незапамятныхъ временъ. Значитъ, вотъ откуда иногда берутся и взялись нѣкоторые корни очень многихъ словъ въ разныхъ человѣческихъ языкахъ: изъ восклицаній, изъ криковъ и звукоподражаній.

Но корни появляются не только отъ этихъ причинъ. Иные просто-напросто появились случайно, но очень ужъ подошли къ дѣлу. Одинъ какой-нибудь человѣкъ могъ случайно придумать, другимъ людямъ эта случайная выдумка могла понравиться; поэтому они ее переняли, и она пошла въ ходъ отъ человѣка къ человѣку, и такъ по цѣлому племени. Въ такомъ появленіи новыхъ корней, опять таки нѣтъ ничего удивительнаго и чудеснаго. И здѣсь все дѣлалось и дѣлается само собой. Словомъ сказать, много есть разныхъ естественныхъ причинъ, почему появились корни въ человѣческихъ языкахъ. Появились потому, что иначе и быть не могло. А около корней появились все новыя и новыя приставки и прибавки. А такимъ способомъ, изъ корней вышли новыя слова, великое множество словъ, которыхъ теперь и не сосчитаешь.

Почему и какъ увеличивается число словъ въ нашемъ и иностранныхъ языкахъ?

Вновь придуманныя слова и въ настоящее время появляются въ нашемъ разговорѣ, можно сказать, каждый день. Мы всѣ то и дѣло составляемъ все новыя и новыя слова изъ старинныхъ корней, старинныхъ приставокъ и

прибавокъ. Иное слово выходитъ мѣткимъ. Его запоминаютъ другіе люди и тоже начинаютъ говорить его. Такимъ способомъ, оно идетъ въ ходъ и понемножку дѣлается достояніемъ цѣлаго народа. Другія же слова, составляемыя то тѣмъ, то другимъ человѣкомъ, забываются, потому что приходится не по вкусу другимъ людямъ. Такъ и идетъ съ незапамятныхъ временъ. И все это дѣлается само собой. Никто не придумывалъ и не придумываетъ какихъ-либо словъ нарочно и для каждаго отдѣльнаго случая особо. Такимъ дѣломъ занимаются всѣ люди вообще и никто въ особенности. Живутъ люди и говорятъ каждый на своемъ языкѣ, а говоря, все вносятъ да вносятъ какія-либо перемѣны въ тѣ слова, которыя ими выговариваются: то приставятъ новую приставку, то выговорятъ какъ-нибудь по новому какую-нибудь букву, то сдѣлаютъ удареніе въ томъ или этомъ мѣстѣ, то придумаютъ какъ-нибудь особенно разставляя слова въ своей рѣчи. И все это выходитъ вполне естественно. И такъ идетъ съ незапамятныхъ временъ. И всегда такъ шло. А изъ всего этого выходятъ большія перемѣны въ тѣхъ языкахъ, на какихъ говорятъ разные народы и племена.

Народы, которые говорятъ одними корнями.

Но вотъ что интересно. Есть на свѣтѣ такіе дикари, которые говорятъ одними корнями. Иначе сказать, въ ихъ языкахъ нѣтъ ни приставокъ, ни прибавокъ въ концѣ и въ началѣ словъ, а одни только корни. Вотъ они и ставятъ корень рядомъ съ корнемъ, безъ всякихъ передѣлокъ и перемѣнъ, безъ всякихъ приставокъ и добавочныхъ концовъ. И такъ говорятъ даже не только народы дикіе, но и образованные, напримѣръ, китайцы. Весь китайскій языкъ состоитъ изъ однихъ корней, а корни эти всегда неизмѣнны. Китайскій языкъ—удивительный языкъ. Тамъ, что ни слово, то корень, и этотъ корень остается всегда безъ всякой перемѣны. Напримѣръ, по-китайски «фю» значитъ отецъ, «мю» значитъ мать. «Отца», «отцу», «отцомъ»; «отеческій», по-китайски всегда тоже будетъ «фю». «Мать», «матери», «материнскій» всегда будетъ «мю». «Фю» и «мю» это корни, и они никогда не перемѣняются. По-китайски родители значитъ «фю-мю». «Родительскій», «родителямъ», «родителями» тоже всегда будетъ «фю»—«мю». Или вотъ, напримѣръ, китайское слово «та». Что оно озна-

чаетъ? У этого слова множество разныхъ значеній. По-китайски «великій» значитъ «та», «величіе» — тоже «та» «большое количество» — тоже «та», «увеличивать» — тоже «та». Иное китайское слово имѣетъ двѣнадцать-тринадцать разныхъ значеній. И всѣ эти значенія нерѣдко совсѣмъ не похожи одно на другое.

Но какъ же въ такомъ случаѣ понимать китайцу китайца, если у разныхъ словъ звукъ одинъ и тотъ же, а смыслъ у нихъ все различный? Китайцы дѣлаютъ такъ: они каждое слово понимаютъ по разному, смотря по тому, на какомъ мѣстѣ оно поставлено въ разговорѣ, — передъ какими словами оно стоитъ и за какими словами слѣдуетъ.

Подобно этому говорятъ и сіамцы, и аннамцы, и другія племена, похожія на китайцевъ и живущія въ Индо-Китаѣ.

Напримѣръ, есть у аннамцевъ слово «ба». Рассказываетъ одинъ путешественникъ, что онъ слышалъ, какъ одинъ аннамецъ сказалъ это слово «ба» подрядъ цѣлыхъ четыре раза, но только съ разными удареніями, разнымъ голосомъ и на разный манеръ. «Ба-ба-ба-ба» или «Ба-а, бба-ббаа-баааааа». Что же это означало? А вотъ что: «женщина дала по оплеухѣ тремъ любимцамъ государя».

Тожe и у сіамцевъ слово «га» имѣетъ цѣлыхъ три смысла. То оно означаетъ «искать», то «чуму», то «пять». И это смотря по тому, какъ оно выговорено и гдѣ поставлено.

Китайцы также умѣютъ выговаривать одно и то же слово по разному, какъ и сіамцы, иногда на десять разныхъ ладовъ. Смыслъ слова мѣняется, смотря по тому, какимъ тономъ его выговариваютъ.

Или вотъ, напримѣръ, маленькій разговоръ двухъ сіамцевъ. Одинъ изъ нихъ спрашиваетъ другого:

— Кхай кхай кай кхай на кхай?

Это на сіамскомъ языкѣ означаетъ: «развѣ никто не продаетъ въ городѣ яицъ?»

На это другой сіамецъ отвѣчаетъ:

— Ха най кхай фа-кхай кхай!

Это значитъ по-русски: «какъ же, но продавецъ сегодня боленъ».

По-русски выходитъ здѣсь все разные слова, а у сіамца только шесть разныхъ словъ — «кхай», «кай», «на», «най», «ха», «фа». Но эти шесть словъ такъ разставлены,

что, смотря по мѣсту, имѣютъ разное значеніе, а кромѣ того выговариваются каждое на особый манеръ. И въ концѣ концовъ получается разное.

Значитъ, благодаря разстановкѣ словъ да ихъ разному выговариванію, китайцы и сіамцы могутъ выразить на своемъ языкѣ что угодно, хотя и говорятъ одними корнями.

На такихъ языкахъ разговариваетъ въ настоящее время больше, чѣмъ пятьсотъ милліоновъ человѣкъ.

Народы, которые въ своемъ языкѣ прибавляютъ къ корнямъ приставки, но корней словъ никогда не измѣняютъ.

Но есть другіе народы, которые разговариваютъ не одними корнями. Они дѣлаютъ такъ: корни корнями,—они всегда остаются неизмѣнными, какъ и въ языкѣ китайцевъ, но къ нимъ всегда приставляются какія-либо прибавки, отъ которыхъ слово совсѣмъ мѣняетъ свой смыслъ. Такъ, напримѣръ, разговариваютъ турки. По-турецки «веревка» значитъ «арканъ», а «веревки» значитъ «арканляръ»; «на веревкѣ»—значитъ «арканлы», «привязывать веревкой» значитъ арканла», «лучшая веревка» значитъ «арканлыкъ». Значитъ, приставляя къ слову «арканъ», то есть, къ корню разныя частички; («ляръ», «лыкъ», «ла», «лы»), турокъ можетъ выразить все, что ему нужно. Въ такомъ языкѣ, какъ турецкій, главная суть въ этихъ частичкахъ, которыя приставляются къ корню.

Или вотъ еще примѣръ. По-турецки «тетрадь» значитъ «тефтеръ»; «моя тетрадь» значитъ «тефтеримъ»; «мои тетради» значитъ «тефтерлэримъ»; «въ моей тетради» значитъ «тефтеримдэ». Значитъ и тутъ вся суть въ прибавкахъ. Такихъ прибавокъ множество и каждая передѣлываетъ смыслъ слова на свой особый ладъ. И всегда слова плотно склеиваются и складываются съ этими прибавками. Турокъ въ разговорѣ прежде всего обращаетъ вниманіе на самое слово, на корень, а потомъ ужъ на прибавку: тѣ служатъ какъ бы особыми разъясненіями словамъ, къ которымъ они приставлены.

Но что же это за прибавки? Когда-то и онѣ были особыми словами,—у каждой прибавки былъ да и есть свой корень. Но мало-по-малу люди забыли, что эти прибавки тѣ же слова, а стали считать ихъ простыми *концами словъ*, какъ бы вспомогательными средствами для лучшаго обозначенія другихъ словъ.

изъ многихъ словъ, слившихся между собою вплотную. Если изъ него выдѣлить каждое отдѣльное слово, такъ оно звучитъ не такъ, какъ слившись съ другими.

Мы, русскіе, и понять даже не въ силахъ, какъ это можно разговаривать, сливая слова такимъ способомъ. А индѣйцы не въ силахъ понять, какъ это такъ можно разговаривать, вовсе не сливая словъ. На ихъ взглядъ выходитъ, что если не сливать, такъ разговоръ будетъ черезчуръ длиннымъ и придется работать языкомъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Подобно индѣйцамъ говорятъ и дикіе гренландцы. Напримеръ, гренландецъ желаетъ сказать: «возьми трубку, набей ее табакомъ и дай мнѣ». По-гренландски это выходитъ: «агглекигуарторазуаринарпок». Это длинное слово тоже составлено изъ многихъ отдѣльныхъ словъ, и всѣ тѣ слова тоже слиты между собою по гренландскому обычаю.

Народы, которые передѣлываютъ и корни, и окончанія словъ, смотря по тому, что хотятъ высказать.

Многіе народы всегда сливаютъ во время разговора отдѣльныя слова такимъ же способомъ, какъ индѣйцы чирокезы и алгонкины, гренландцы и другіе. А въ нашемъ русскомъ языкѣ совѣмъ нѣтъ и никогда не было такого обычая сливать всѣ слова въ одно, да еще сокращая ихъ. Не бываетъ этого и въ нѣмецкомъ, и французскомъ, и итальянскомъ, испанскомъ, и англійскомъ, и греческомъ, и латинскомъ, и армянскомъ, и иранскихъ, и въ санскритскомъ языкахъ¹⁾. Народы, говорящіе на этихъ языкахъ, обходятся иначе. Они не сливаютъ отдѣльныхъ словъ въ одно слово, они же говорятъ одними корнями. Больше всего имъ помогаетъ въ разговорѣ обычай *передѣлывать корни*, да кромѣ того *мѣнять окончанія словъ*, приставлять къ корнямъ въ началѣ и въ концѣ разныя приставки и прибавки, а ихъ плотно-наплотно сливать съ корнями, такъ что каждое слово кажется словно сдѣланнымъ изъ одного куска, и трудно бываетъ и разобрать,

¹⁾ Латинскій языкъ—это значитъ древне-итальянскій,—на немъ говорили въ Италіи тысячи полторы лѣтъ тому назадъ и еще раньше. Теперь итальянцы не говорятъ на этомъ языкѣ. Иранскіе или зендскіе языки, это тѣ, на которыхъ говорили болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ нѣкоторые народы, жившіе въ теперешней Персіи. Санскритскій языкъ—древне-индусскій. На немъ теперь тоже не говорятъ ни одинъ народъ.

что въ этомъ словѣ его корень, а что приставки. Вотъ, на примѣръ, русское слово «надменный». Корень этого слова «ду», только передѣланный. «На»—это приставка, «ный»—это окончаніе. Корень «ду» это значить «дуть». Надменный—это значить «надутый». Въ такомъ словѣ корень нелегко различается. Въ одномъ словѣ онъ «ду», въ другомъ онъ звучитъ иначе, въ третьемъ опять иначе. И такихъ словъ очень много въ нашемъ русскомъ языкѣ. А окончанія словъ мы, русскіе, въ разговорѣ постоянно мѣняемъ, на примѣръ; то мы скажемъ «надменный», то надменнаго», то «надменному».. Или «дуть», «дуль», «дули», «ходить», «хожу», «ходимъ». У всѣхъ этихъ словъ концы все разные.

Совсѣмъ не такъ бываетъ, на примѣръ, въ турецкомъ языкѣ. Тамъ корень всегда остается безъ перемѣны,—онъ бросается въ глаза, и его легко отдѣлать отъ разныхъ приставокъ.

Совсѣмъ не такъ бываетъ и въ китайскомъ языкѣ. Тамъ корень стоитъ особнякомъ, а приставокъ никогда и никакихъ не бываетъ.

Значить, языкъ языку—рознь. Есть языки, составленные изъ однихъ корней; есть языки, у которыхъ корни съ приставками; наконецъ, есть языки, какъ нашъ, у которыхъ гнутся игибаются, мѣняются и корни, и приставки, и окончанія.

Значить, человѣческіе языки не всѣ на одинъ ладъ. У каждаго племени, у каждаго народа, есть свой обычай, своя привычка, своя маѣра, какъ составлять слова, и свои манеры, какъ изъ отдѣльныхъ словъ составлять разговоръ.

Какъ нѣкоторыя слова переходятъ изъ одного языка въ другой.

Люди съ незапамятныхъ временъ имѣютъ разные сношенія другъ съ другомъ. То у нихъ ведется торговля, то народъ нападаетъ на народъ, и народы дерутся и покоряютъ другъ друга. То народы живутъ тихо и мирно рядомъ, вступаютъ между собою въ браки, вмѣстѣ охотятся. Благодаря разнымъ сношеніямъ, всегда отъ одного народа къ другому переходитъ множество словъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ каждомъ языкѣ всегда имѣются иностранныя слова. При переходѣ отъ народа къ народу, слово понемножку мѣняется, потому что чужія слова, съ непривычки, не всякій можетъ выговаривать, какъ слѣду-

еть. Такъ, напримѣръ, русскій говоритъ: «квитанція», а французъ «киттанс», и при этомъ еще выговариваетъ *ан* особымъ способомъ, въ носъ. Или вотъ слово «транжирить», то-есть бросать деньги и вообще добро на вѣтеръ. Это слово—не русское, а французское, только въ русской передѣлкѣ. Придумали его господа русскіе помѣщики, которые ѣздили въ «этранже», то-есть за-границу, прокучивать народныя денежки. «Этранже»—французское слово, которое по-русски значитъ «заграница».

Не всякій русскій выговоритъ иное иностранное слово. У русскаго языкъ во рту не привыкъ такъ ворочаться, какъ у француза, а можетъ быть, и устройство рта и губъ не совсѣмъ такое, какъ у того. Иные народы, напримѣръ, нѣмцы, не могутъ выговорить ж-ж-ж- и щ-щ-щ-. У нихъ вмѣсто этого выходитъ ш-ш-ш и сш-сш-сш. Французъ не можетъ выговорить ы.

Иные индѣйцы не могутъ выговорить п, у нихъ выходитъ б. Одинъ католическій священникъ училъ мексиканскихъ индѣйцевъ молитвѣ «Патеръ ностеръ», то-есть, «Отче нашъ», на латинскомъ языкѣ. Какъ ни старались индѣйцы выговорить «патеръ ностеръ»,—все у нихъ выходило «пахтль нохтль». Въ каждомъ языкѣ есть свои звуки и буквы. Въ русскомъ языкѣ насчитывается ихъ 34, въ нѣмецкомъ и французскомъ—меньше, въ греческомъ и латинскомъ—еще меньше. У дикарей полинезійцевъ, живущихъ на островахъ Великаго Океана, всего лишь 8 звуковъ въ языкѣ, у дикихъ австралійцевъ тоже всего лишь 8. Не мудрено, что инья иностранныя слова, передѣлываются на другой ладъ при переходѣ отъ народа къ народу.

Ни одинъ языкъ не обходится безъ чужихъ словъ. Во всѣхъ языкахъ становится ихъ понемногу больше и больше.

Иное слово переходитъ отъ одного народа къ другому, а отъ того къ третьему, къ четвертому, пятому, десятому и т. д. Есть такія слова, которыя обошли весь свѣтъ и встрѣчаются почти у всѣхъ народовъ, хотя и въ передѣланномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, греческое слово «Христосъ». Слово это греческое и по-русски значитъ «помазанникъ». Его можно услышать повсюду, гдѣ есть хоть одинъ христіанинъ, или хоть одинъ проповѣдникъ христіанства. Есть и другія слова, которыя вошли въ языки очень многихъ народовъ.

Въ нашемъ русскомъ языкѣ тоже встрѣчается множество иностранныхъ словъ, напримѣръ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, татарскихъ, англійскихъ, голландскихъ, польскихъ, шведскихъ, финскихъ, нѣмецкихъ, арабскихъ, еврейскихъ и даже индѣйскихъ, и многихъ другихъ племень и народовъ. Такъ, слово «сахаръ»—слово арабское, «кафтанъ», «башлыкъ», «казакъ», «товаръ», «тафта», «кочанъ», «кукла», «хозяинъ»—это слова татарскія. Слова «бочка», «кнутъ», «булка», «мечъ» — слова древне-нѣмецкія. Слова «дюжина», «царь» (цезарь), «ягненокъ»,—слова латинскія. Слова «теремъ», «комната», «монархъ», «панихида», «литургія»—слова греческія. «Суббота» — слово древне-еврейское. «Шоколадъ», «какао», «томатъ» — слова мексиканскихъ индѣйцевъ. «Хининъ», «картофель» — слова изъ американской страны Перу. Слова «гамакъ», «ураганъ»—индѣйскія слова съ острова Гаити. А нѣмецкія слова, попавшія въ русскій языкъ, считаются цѣлыми сотнями, равно какъ и французскія. Но всегда можно отличить свое слово отъ чужого, хотя иной разъ это и не легко.

Въ разныхъ языкахъ у разныхъ народовъ встрѣчаются слова, выросшія изъ однихъ и тѣхъ же корней.

Но есть въ разныхъ языкахъ еще очень схожія слова другого рода: они къ тому же вовсе не заимствованы изъ чужихъ иностранныхъ языковъ, а просто-напросто выросли изъ одинаковыхъ корней,—изъ однихъ и тѣхъ же корней. Другими словами,—языки могутъ быть разными и разныхъ народовъ, а корни многихъ словъ все таки могутъ быть у нихъ одинаковые. Вотъ, напримѣръ, русское слово «братъ». Корень этого слова «братъ». Изъ этого корня выросло, появилось множество разныхъ словъ, напримѣръ, «братство», «братскій», «побратанство». Слово «братъ»—чисто русское слово. Но вотъ далеко, далеко отъ Россіи, въ Азіи есть страны Индія и Персія. На древне-индѣйскомъ и древне-персидскомъ языкахъ слово «братъ» звучитъ почти такъ же, какъ по-русски! По древне-персидски «братъ» значитъ «братаръ», по древне-индѣйски тоже «братаръ». И въ этихъ словахъ здѣсь и тамъ оказывается тотъ же самый корень «братъ». И изъ этого корня въ тѣхъ языкахъ тоже выросло много словъ древне-индѣйскихъ и древне-персидскихъ.

Но вотъ что особенно достойно вниманія: слово «братъ»

пришло въ эти языки не изъ чужихъ языковъ. Оно передано по наслѣдству отъ предковъ,—отъ дѣдовъ, прадѣдовъ и пра-пра-прадѣдовъ, то-есть отъ людей той же самой крови, но только жившихъ давнымъ давно, въ глубокую старину. Это можно узнать вотъ почему: слово это встрѣчается въ очень старинныхъ индійскихъ и персидскихъ книгахъ, а книги эти написаны еще тогда, когда на свѣтѣ не было ни нѣмецкаго, ни французскаго, ни русскаго, ни греческаго, ни латинскаго, ни литовскаго, ни армянскаго языковъ. Значить, слово «братъ» могло притти въ эти языки лишь изъ старинныхъ языковъ. Оно оттуда и пришло.

Это тоже доказано съ точностью и достовѣрностью и вотъ какимъ способомъ.

Ученые продѣлали огромную и трудную работу. Они записали и до сихъ поръ еще записываютъ всѣ слова во всѣхъ человѣческихъ языкахъ, какіе только есть и были на землѣ. Изъ этихъ записанныхъ словъ ученые составляютъ особые словари для каждаго языка. Потомъ они сравниваютъ слово со словомъ, нарѣчіе съ нарѣчіемъ, слова. Они разсматриваютъ, въ какихъ словахъ ихъ основы (то-есть корни) одинаковы, а въ какихъ разныя. Это дѣло очень трудное и требуетъ много ума, знанія, таланта, догадливости, усидчивости и вниманія. Но такимъ только способомъ узнаны корни многихъ словъ. Такимъ же только способомъ узнана и исторія каждаго слова, то-есть, выяснено, какъ это слово произносилось въ старину и какъ произносится теперь, да какой смыслъ оно имѣло въ старину и какой имѣетъ теперь, и какія перемѣны произошли съ какимъ словомъ въ теченіе времени. Вотъ такимъ способомъ ученые и узнали, что слово «братъ»—коренное русское слово. Но вотъ что еще оказалось: это самое слово «братъ»—не только русское коренное слово,—оно же коренное слово древне-индійскаго (санскритскаго) и древне-персидскаго (иранскаго) языковъ. Это же слово «братъ»—коренное слово многихъ другихъ языковъ и другихъ народовъ, хотя каждый народъ немножко и переиначиваетъ его, когда выговариваетъ.

Интересно посмотрѣть, какъ разные народы передѣлали его на разные лады. Такъ, на примѣръ, по ново-нѣмецки «братъ» значитъ «брудеръ», по-гречески — «фретьеръ», по-латински, то есть, древне-итальянски, братъ—

«фратеръ», по-французски — «фреръ», по-кельтски ¹⁾ — «братиръ», по древне-нѣмецки — «бротаръ», по-литовски «бротерелис». А вотъ слово «дочь», «дщерь» или «дочерь»: по-санскритски дочь — «дугитаръ», по древне-персидски «дугда», по-армянски — «доустръ», по-гречески «тюгательръ», по древне-нѣмецки «даухтаръ», по ново-нѣмецки «тохтеръ», по древне-славянски «дщерь» и «дочерь», по литовски «дукте». Во всѣхъ этихъ словахъ чувствуется, что они сродни другъ другу, хотя и звучатъ неодинаково у разныхъ народовъ, на разныхъ языкахъ.

То же самое вышло со словомъ «мать». Мать, по-санскритски и по древне-персидски «матаръ», по-гречески «метѣръ», по-латински «матеръ», по древне-ирландски или кельтски «матиръ», по древне-нѣмецки «муотаръ», по ново-нѣмецки «муттеръ», по-армянски «маиръ», по-литовски «моте», по-славянски «мати». «Вдова» по-русски, — «видава» по древне-индусски, «витве» по-нѣмецки, «вевъ» — по-французски. И такихъ сходныхъ словъ во многихъ языкахъ великое множество.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что нныя слова звучатъ одинаково, а они взяты изъ языковъ разныхъ народовъ. И народы эти иной разъ живутъ очень далеко одинъ отъ другого.

Такъ, напримѣръ, отъ Россіи, Франціи, Германіи, Италіи очень далеко до Индіи или до Персіи. Отъ тѣхъ же странъ не близко и до Греціи. Но, несмотря на это, встрѣчается очень много одинаковыхъ словъ въ слѣдующихъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ, русскомъ и другихъ славянскихъ, французскомъ, испанскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, кельтскомъ, литовскомъ, армянскомъ, древне-персидскомъ, древне-индійскомъ. Языки разные, народы разные, живутъ далеко одинъ отъ другого, а словъ почти одинаковыхъ у нихъ много.

И не только одинаковыхъ словъ, но и *одинаковыхъ корней*. Вотъ это-то особенно и удивительно. Напримѣръ, на всѣхъ этихъ языкахъ корень «да» означаетъ «давать». Корень «вед» означаетъ «вѣдать», «знать», корень «ид»

¹⁾ Кельты — старинный народъ, который жилъ около тысячи или полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ въ вѣнѣшной Франціи, Англій и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Потомки этого народа существуютъ до сихъ поръ, хотя и смѣшалась кровью съ другими народами. Они говорятъ и понынѣ на языкѣ, который произошелъ изъ стариннаго кельтскаго. Таковы, напримѣръ, и нѣкоторые жители Валлиса (въ Англій) и Ирландіи.

означаетъ «итти», «гар», «гер», «жар»,—горѣть и т. д. Такихъ корней у разныхъ народовъ наберется даже больше чѣмъ тысяча. И не только корни, но и кой-какіе обороты рѣчи, то-есть способы, манеры разставлятъ слова въ разговорѣ. Это еще болѣе удивительно. Откуда такое сходство? Неужели оно произошло случайно? Неужто это случай простой? Почему же это въ языкахъ разныхъ народовъ такъ много одинаковыхъ корней и схожихъ оборотовъ рѣчи?

Вовсе нѣтъ. Самая-то суть дѣла объясняется гораздо проще. Сходство въ корняхъ словъ и въ оборотахъ рѣчи въ языкахъ разныхъ народовъ вышло вотъ почему: потому что *эти языки сродни одинъ другому*. Вся суть въ этомъ родствѣ ихъ, а не въ случаѣ. Вѣдь уже было сказано, что корень такого-то слова—это значить, самая старинная часть этого слова, которая даетъ ему его значеніе, когда-то и самъ былъ словомъ.

Но когда же это было? Очень давно,—когда люди говорили такими словами, что каждое слово было однимъ чистымъ корнемъ, безъ приставокъ, прибавокъ и перемѣнъ. Если есть въ такомъ-то языкѣ, такого-то народа, такіе-то корни, значить, предки этого народа въ старину говорили этими самыми *корнями*. Если есть они и у другого народа,—значить, предки и этого народа тоже говорили тѣми самыми словами-корнями. Есть они у третьяго,—значить, и его предки говорили также.

Родство языковъ показываетъ нѣкоторое родство и самихъ народовъ. Если бы не было родства между народами въ такую далекую старину,—вѣрнѣе всего они говорили бы тогда на разныхъ языкахъ. Значить, и корни словъ у этихъ языковъ были бы всѣ разные. И во всякомъ случаѣ въ этихъ языкахъ не было бы такого большого числа совершенно одинаковыхъ корней и сходныхъ оборотовъ рѣчи.

Поэтому выходитъ, что предки грековъ, итальянцевъ, французовъ, русскихъ, нѣмцевъ, литовцевъ, ирландцевъ, персовъ и индусовъ, всѣ говорили когда-то одними и тѣми же корнями, то-есть на одномъ и томъ же языкѣ.

Иначе говоря, когда-то всѣ эти народы произошли отъ предковъ, говорившихъ на одномъ и томъ же языкѣ. То-есть всѣ эти народы—родственники другъ другу по языку, и у всѣхъ у нихъ, надо полагать, общіе предки.

Какъ и почему и откуда появляются новые языки на землѣ?

Выговариванье мѣняется, смотря по человѣку и по мѣстности. Напримѣръ, саратовецъ говоритъ слово «дѣдъ», а бѣлоруссъ выговариваетъ это же самое слово не дѣдъ, а «дзѣдъ». Москвичъ выговариваетъ «дѣвка», а гродненскій крестьянинъ произноситъ тоже самое слово «дзеука». Москвичъ говоритъ «тетка», а бѣлоруссъ—«цотка». Бѣлоруссы цокаютъ. Ярославцы, владимирцы, костромичи, новгородцы, какъ извѣстно, говорятъ на о,—окаютъ. Калужане, тверичи акаютъ и якаютъ. Значить, смотря по мѣстностямъ, бываютъ въ одномъ и томъ же языкѣ разные говоры, разныя произношенія и выговариванія словъ. И племя одинаково, и языкъ во многомъ одинаковый, но все таки въ разныхъ мѣстностяхъ съ этимъ языкомъ идутъ да идутъ разныя перемѣны. И слова придумываются и идутъ въ ходъ разныя, смотря по мѣстности. Разговоръ москвича уже не похожъ кое-чѣмъ на разговоръ владимирца; разговоръ великоросса еще больше не похожъ на разговоръ бѣлорусса. Еще меньше похожъ разговоръ кацапа на разговоръ «хохла». Еще меньше онъ похожъ на разговоръ поляковъ, еще меньше—на разговоръ чеха. И вотъ что еще интересно: въ старину было гораздо больше сходства, чѣмъ теперь, между языками великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малороссіянъ, болгаръ и даже поляковъ и чеховъ. Въ ихъ языкахъ было гораздо больше одинаковыхъ словъ, чѣмъ теперь, да и обороты рѣчи были тогда болѣе схожія. Это видно по стариннымъ книгамъ, написаннымъ сотни лѣтъ тому назадъ на всѣхъ этихъ языкахъ.

Всякому, напримѣръ, извѣстно, что старинные языки вовсе не похожи на новые, теперешніе языки. Напримѣръ, древне-русскій языкъ совсѣмъ не такой, какъ тотъ, на которомъ мы говоримъ теперь. Въ старину русскіе люди говорили и писали, примѣрно, на томъ языкѣ, на какомъ написаны церковныя книги. Эти книги перешли къ намъ изъ Болгаріи. Лѣтъ 900 тому назадъ болгары говорили на такомъ языкѣ, на которомъ написаны эти книги. Старинный болгарскій языкъ называется у насъ церковно-славянскимъ. Онъ сохранился только въ церковныхъ книгахъ. На немъ теперь уже никто не говоритъ. Въ старину всѣ русскіе люди говорили въ родѣ какъ на церковномъ языкѣ. Тогдашній болгарскій языкъ былъ болѣе похожъ на

тогдашній русскій. Было это примѣрно около тысячи лѣтъ тому назадъ. Вотъ какъ перемѣнилась за тысячу лѣтъ наша русская разговорная рѣчь. И это по мелочамъ и незамѣтно.

Напримѣръ, псковской крестьянинъ знаетъ такія слова, какихъ саратовецъ и не пойметъ. Псковичъ скажетъ, напримѣръ, слово «рахманнѣй», (небойкѣй), а саратовцу это слово непонятно, и онъ поневолѣ переспрашиваетъ, что оно такое.

Такъ что и выходитъ, что перемѣны въ разныхъ языкахъ идутъ себѣ да идутъ,—дальше и дальше, и все по-разному. И онѣ въ концѣ концовъ заходятъ очень далеко, такъ что одинъ языкъ становится совсѣмъ непохожимъ на другой.

И какъ далеко могутъ идти эти перемѣны? Имъ не положено никакого предѣла. Онѣ хоть совершаются очень медленно, но все-таки могутъ зайти очень далеко—такъ далеко, что въ разныхъ мѣстностяхъ изъ одного и того же языка получится съ теченіемъ времени совсѣмъ другой языкъ, а то и нѣсколько языковъ. Такимъ способомъ и происходили и происходятъ языки изъ языковъ. Разные говоры понемножку дѣлаются разными нарѣчїями. Разныя нарѣчїя дѣлаются разными языками. А языки становятся все меньше и меньше похожи одинъ на другой, такъ что въ концѣ концовъ объ ихъ родствѣ можно узнать только съ большимъ трудомъ. И не по словамъ, а по *корнямъ словъ* и оборотамъ рѣчи, коли они схожи межъ собой. Но мѣняется и обороты рѣчи и даже манеры выговаривать слова.

Разнымъ перемѣнамъ въ языкахъ помогаетъ еще вотъ что: вѣдь племена и народы живутъ на землѣ рядомъ одни съ другими. Люди одного племени вступаютъ нерѣдко въ браки съ людьми другого племени, смѣшиваются между собою кровью. Кромѣ того, разныя племена враждуютъ и воюютъ, племя покоряетъ племя, иногда огнемъ и мечомъ. Все это ведетъ и всегда вело къ тому, что племена съ племенами перемѣшиваются, а это сильно увеличиваетъ тѣ перемѣны, которыя происходятъ съ языками разныхъ народовъ. Кромѣ того, народъ отъ народа перенимаетъ разныя изобрѣтенїя, а вмѣстѣ съ ними переходятъ и названїя этихъ изобрѣтенїй. Значить, ужъ не приходится говорить, что такой-то языкъ такого-то народа всегда былъ, есть и будетъ такимъ, какъ теперь. Въ старину онъ былъ вовсе

не такой, какъ теперь, да и въ будущее время, навѣрно, перемѣнится.

Но большія перемѣны случились не только съ русскимъ языкомъ, а и со всѣми другими, какіе только есть и были на землѣ: и съ французскимъ, и съ нѣмецкимъ, и съ индійскимъ, и съ американскимъ, и такъ далѣе. Такъ, на примѣръ, телерешній итальянскій языкъ вовсе не похожъ на языкъ латинскій, а онъ произошелъ изъ языка латинскаго, который нѣсколько смѣшался съ старинными нѣкоторыми другими языками. Нынѣшній индійскій языкъ не похожъ на старинный индійскій, который называется санскритскимъ. А онъ произошелъ изъ санскритскаго.

Такъ перемѣняются всѣ языки, въ томъ числѣ и языки, на которыхъ говорятъ разныя дикія племена. У дикихъ племенъ они перемѣняются еще скорѣе, чѣмъ у народовъ образованныхъ, потому что дикія племена болѣе малочисленны, чѣмъ образованные народы. Въ языкѣ дикарей случаются иногда перемѣны въ очень короткое время. На примѣръ, въ Америкѣ или въ Африкѣ у дикихъ и малолюдныхъ племенъ ихъ языки мѣняются иной разъ въ сто, а то и въ пятьдесятъ лѣтъ. Живетъ какое-нибудь маленькое племя южно-американскихъ индѣйцевъ въ своей странѣ. Страна эта очень лѣсистая. Индѣйцы кочуютъ по лѣсамъ небольшими деревнями и семьями. Лѣса тамъ огромные, а людей мало, такъ что одно племя иной разъ по десяткамъ лѣтъ совсѣмъ не видитъ людей другого племени. Каждое живетъ само по себѣ. А живя такъ, дикари все таки волей неволей придумываютъ какія-нибудь новыя слова, для названій новыхъ вещей. Новыя слова и здѣсь придумываются, а старыя забываются. Благодаря этому, перемѣняется языкъ, на которомъ говорятъ эти дикари. Выходитъ такъ, что въ иныхъ мѣстахъ чуть ли не въ каждой деревнѣ оказывается свой особый языкъ, котораго не понимаютъ люди изъ другой деревни: племя одно и то же, а языкъ совсѣмъ другой. Такъ быстро дѣлаются они непохожими.

Но такъ бываетъ только съ языками очень малочисленныхъ народовъ. У большихъ племенъ никакъ не можетъ случиться этого. Если велико число людей, говорящихъ на такомъ то языкѣ, то языкъ этотъ перемѣнится не быстро. Если люди этого племени живутъ на большомъ пространствѣ земли и имѣютъ между собою общеніе,—эти обстоятельства тоже мѣшаютъ быстрымъ перемѣнамъ въ ихъ языкѣ. Но перемѣны все таки идутъ повсюду, во

всѣхъ языкахъ. Въ иномъ мѣстѣ быстрѣй, въ иномъ медленнѣй, когда тише, когда скоро. Идутъ,—и остановиться не могутъ. Такъ и всегда было, и всегда будетъ.

А отъ накопленія такихъ перемѣнъ появляются языки новые и пропадаютъ съ лица земли языки старинные.

Какъ и почему пропадаютъ языки съ лица земли и на нихъ люди перестаютъ говорить?

Бывало нерѣдко такъ, что старинные языки совершенно пропадали съ лица земли. А когда-то на нихъ говорили милліоны людей. Но говорили—и перестали говорить. Въмѣсто этихъ старинныхъ языковъ сдѣлался совсѣмъ другой языкъ. Такихъ старинныхъ вымершихъ языковъ очень много. Ихъ всѣхъ и не пересчитаешь. Отъ нихъ только и остались какія-нибудь книги или надписи, которыхъ иной разъ и разобрать невозможно. Напримѣръ, церковно-славянскій языкъ—вымершій языкъ, санскритскій—тоже, древне-персидскій—тоже, древне-нѣмецкій—тоже, латинскій—тоже. И всѣ эти языки успѣли пропасть съ лица земли за тысячу или за полторы тысячи лѣтъ.

Что же это значитъ,—такіе-то языки пропали съ лица земли? Это значитъ, что на нихъ всѣ люди мало-по-малу перестали говорить. Почему же перестали? А потому что понемножку появились болѣе подходящія слова и обороты рѣчи, такія которыя гораздо болѣе удобны для выраженія человѣческихъ мыслей и чувствъ. Они-то понемножку и вытѣснили прежнія, старинныя, да и теперь вытѣсняютъ. Такое вытѣсненіе тоже дѣлается лишь мало-по-малу, а сразу не бываетъ никогда.

А если языки могутъ появляться и пропадать за одну только тысячу лѣтъ, то какія же перемѣны могутъ происходить съ ними за десять, и за двадцать, и за сто тысячъ лѣтъ? ¹⁾

Какъ разные человѣческіе языки раскрываютъ великую древность человѣческаго рода.

Сколько же времени тому назадъ всѣ люди на землѣ жили по-звѣриному? Это было по меньшей мѣрѣ десятки,

¹⁾ Въ настоящее время узвано съ точностью и достовѣрностью, что человѣческій родъ существуетъ на землѣ многіе десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ лѣтъ. Какимъ способомъ объ этомъ узнали, рассказано въ книжкѣ Н. Рубакина: „Когда, какъ и почему появились люди на землѣ“. Изд. „Прометей“.

а, можетъ быть, и сотни тысячъ лѣтъ до насъ. О столь пожилломъ возрастѣ человѣческаго рода можно узнать по человѣческому языку, и вотъ какимъ способомъ.

Прежде всего интересно узнать съ точностью и съ достовѣрностью, сколько времени существуетъ на свѣтѣ, на примѣръ, тотъ языкъ, на которомъ мы говоримъ. Это можно узнать по стариннымъ книгамъ,—стоитъ лишь посмотреть, какимъ языкомъ онѣ написаны. Есть русскія книги, которымъ насчитывается около девятисотъ лѣтъ. Онѣ хранятся во многихъ библіотекахъ. Есть, на примѣръ, такія въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. На какомъ же языкѣ онѣ написаны? Вовсе не на такомъ, на какомъ говоримъ мы, а на старинномъ русскомъ языкѣ, на которомъ говорили девятисотъ лѣтъ тому назадъ русскіе люди. Ихъ языкъ гораздо больше похожъ на церковный языкъ, чѣмъ на нашъ теперешній. Такъ, на примѣръ, въ одной старинной книгѣ написано: «рече царь, молю тя, отпусти нынѣ грѣхъ раба твоего; аще не любо ти, а ворочуся дому моему». Вотъ какъ говорили старинные русскіе люди. А мы теперь тоже самое говоримъ такъ: «и царь сказалъ: молю тебя, отпусти нынѣ грѣхъ твоего раба. Если тебѣ не любо, то я возвращусь въ мой домъ». Ясное дѣло, что за девятисотъ лѣтъ, перемѣнился сильно нашъ разговоръ,—появились новыя слова, замѣнили собою прежнія, старинныя; перемѣнились и обороты рѣчи, способы выражаться. Значитъ, вотъ какая перемѣна произошла въ нашемъ русскомъ языкѣ за девятисотъ лѣтъ!

Подобно этому измѣнился и языкъ итальянскій. Теперь итальянцы говорятъ; на примѣръ: «чи ва піано—ва сапо». А тысячу и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, итальянцы выражали тоже самое такъ: «кви вадитъ планумъ, вадитъ санумъ», (кто идетъ тихо, идетъ здорово). Ясное дѣло, итальянская рѣчь за полторы тысячи лѣтъ тоже сильно перемѣнилась. Подобно этому перемѣнились и другіе языки.

Много тысячъ лѣтъ тому назадъ не было на свѣтѣ ни русскаго племени, ни нѣмецкаго, ни французскаго, ни греческаго, ни латинскаго, ни индусскаго, ни персидскаго, а былъ какой-то другой народъ. Онъ населялъ какую-то страну, и всѣ люди этого народа говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Но вотъ этотъ народъ съ теченіемъ времени размножился, ему стало тѣсно, и онъ сталъ расселяться изъ своей страны въ разныя другія страны. Пошли пересе-

ленцы этого народа кому куда вздумалось и куда было можно и нужно. Человѣкъ шелъ за человѣкомъ, толпа шла за толпою и иной разъ заходила очень далеко отъ мѣста своей первоначальной родины.

Сначала переселенцы, живя на новомъ мѣстѣ, говорили на своемъ прежнемъ, то-есть, старинномъ языкѣ, которому научились отъ своихъ родителей. Но вѣдь на новыхъ мѣстахъ приходится иной разъ вести и новую жизнь,—приходится сталкиваться съ другими народами, видѣть кое что новое, да и придумывать новое. А въ томъ числѣ и новыя слова для разговора. Извѣстно, что съ теченіемъ времени языкъ перемѣняется. Въ языкѣ переселенцевъ стали появляться все новыя и новыя слова, какихъ раньше не было. У разныхъ переселенцевъ въ разныхъ мѣстахъ стали появляться и разныя новыя слова. Ихъ копилось понемножку все больше и больше. Они шли въ ходъ отъ человѣка къ человѣку и прибавлялись къ другимъ словамъ того же языка, на которомъ говорили эти люди, научившіеся имъ отъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Кромѣ того, и прежнія слова съ теченіемъ большого времени нерѣдко передѣлывались,—то-есть, люди начинали выговаривать ихъ на новый ладъ. Иначе и быть не могло въ новыхъ обстоятельствахъ жизни: отъ перемѣны этихъ обстоятельствъ мѣняются вѣдь не только языки, но и сами люди, устройство ихъ рта и носа¹⁾, а значить и ихъ манера выговаривать слова.

Люди сами не замѣчали и не замѣчаютъ, что они дѣлали, выговаривая такія-то слова такъ, а не иначе. А они дѣлали огромное дѣло: благодаря имъ копились и копятъ перемѣны въ ихъ родномъ языкѣ. Копятся по мелочамъ, совершенно незамѣтно, а все-таки копятъ. И вотъ что вышло отъ такихъ перемѣнъ, отъ прибавки новыхъ словъ, да отъ иного выговариванія старыхъ: прежній родительскій языкъ переставалъ да переставалъ быть такимъ, какимъ онъ былъ раньше, на прежней родинѣ. Онъ мѣнялся, да мѣнялся. Дѣлалось это очень медленно, но все-таки всегда дѣлалось. Да и въ настоящее время дѣлается у всѣхъ народовъ, какіе только живутъ на землѣ. Кромѣ того, инныя старинныя слова, съ теченіемъ времени просто напросто забывались, какъ и теперь забываются. Понемно-

¹⁾ Напримѣръ, въ холодныхъ странахъ южанинъ легче простужается, чѣмъ сѣверянинъ, который привыкъ уже къ холодамъ.

гу было забыто множество старинныхъ словъ²⁾. Эти забытыя слова замѣнились новыми, которыя болѣе подошли къ обстоятельствамъ. Но и вновь придуманныя слова не всегда идутъ и шли въ ходъ. Такъ и теперь иное слово бываетъ въ ходу у людей лишь въ какой-нибудь небольшой округѣ. Вотъ какимъ способомъ появляются новые языки на землѣ. Дѣло начинается съ малаго и съ незамѣтнаго, съ *разнаго выговариванія разныхъ словъ*.

На большія перемѣны въ языкѣ нужно и большое время. Чѣмъ больше перемѣны, тѣмъ больше нужно времени. Сколько же его нужно, чтобы изъ одного языка сдѣлался совсѣмъ другой? Посмотримъ. Уже было сказано, что у многихъ языковъ оказались одинаковые корни очень многихъ словъ и весьма схожіе обороты рѣчи. Вотъ, на примѣръ, у какихъ языковъ это подмѣчено и доказано съ точностью и достовѣрностью: у языковъ славянскихъ, германскихъ, иранскихъ, въ языкѣ армянскомъ, греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ, литовскомъ и санскритскомъ. Всѣ эти языки называются языками арійскими. Такое-то сходство всѣхъ этихъ языковъ и показываетъ, что между ними существуетъ родство: по-просту сказать, всѣ они произошли когда-то изъ какого-то одного общаго языка, который называется арійскимъ. На немъ когда-то говорилъ народъ, имя которому дано—арійцы. Какое же нужно было время, чтобы изъ того стариннаго языка произошло множество другихъ языковъ? Сколько лѣтъ тому назадъ на землѣ ни одинъ человѣкъ еще не говорилъ на этихъ языкахъ? Это время нужно считать не меньше, какъ многими тысячами лѣтъ. За одну или за полторы тысячи лѣтъ человѣческой языкъ не можетъ такъ перемѣниться, что изъ одного языка выйдетъ совсѣмъ другой. Одно дѣло такая перемѣна, какая произошла съ русскимъ языкомъ за тысячу лѣтъ, и другое дѣло—перемѣна еще большая. Какъ ни какъ, а мы, русскіе, все-таки можемъ читать и понимать русскую книгу, написанную девятьсотъ лѣтъ тому назадъ. А можетъ ли, на примѣръ, теперешній итальянецъ понимать книгу латинскую? Это гораздо труднѣе. Потому что латинскій языкъ болѣе старинный, чѣмъ русскій. А можемъ ли мы

²⁾ На примѣръ, забыты или вышли изъ обихода такія старинныя слова: „убо“, „аще“, „дпуать“, „тутно“ и др. Забылись и старинныя обороты рѣчи, на примѣръ, „быхъ“ и „тѣкохъ“, „взалкахъ“. Перемѣнился смыслъ многихъ словъ. На примѣръ, въ старину слово „тьма“ значило „десять тысячъ“, а теперь оно значитъ „темнота“.

понимать книгу, написанную на греческомъ или индѣйскомъ языкѣ? Разумѣется, нѣтъ. Сходство между этими языками совсѣмъ почти истерлось. Разумѣется, должно было пройти очень большое время, чтобы языки стали такъ отличаться одинъ отъ другого. А ужъ если сходство между ними пропало, значить, эти языки существуютъ очень продолжительное время. По меньшей мѣрѣ, многія тысячи, а то и десятки тысячъ лѣтъ. Значить, вотъ сколько времени существуютъ и люди, которые говорили и говорятъ на этихъ языкахъ. Поэтому выходитъ, что и родъ человѣческой существуетъ на землѣ по меньшей мѣрѣ десятки тысячъ лѣтъ. Это видно еще изъ того, что въ старинныя времена жизнь шла гораздо тише, чѣмъ теперь, а значить, и перемѣны съ языками большихъ народовъ дѣлались медленнѣе.

Но родъ человѣческой гораздо дольше живетъ на свѣтѣ, чѣмъ десятки тысячъ лѣтъ. Это видно вотъ изъ чего: бѣдь кромѣ тѣхъ арійскихъ языковъ, о которыхъ было сейчасъ сказано, есть на свѣтѣ языки, вовсе на нихъ непохожіе и по корнямъ, и по оборотамъ рѣчи. Таковы, на примѣръ, языки, — древне-еврейскій, арабскій, финикійскій, ассирійскій и нѣкоторые другіе. Всѣ эти языки называются языками *семитскими*. Всѣ они сильно отличаются по корнямъ и оборотамъ рѣчи отъ арійскихъ.

Но они тоже сродни между собою, подобно тому, какъ приходится родственниками другъ другу языки арійскіе. Это видно вотъ изъ чего: у всѣхъ семитскихъ языковъ замѣчено тоже большое сходство другъ съ другомъ: и корни словъ у этихъ языковъ одинакіе, и обороты рѣчи схожіе. На примѣръ, арабъ говоритъ, здороваясь съ кѣмъ-нибудь: «салямъ алейкумъ», что значить по-русски: «миръ на васъ». А древній еврей говоритъ почти такъ же: «шаломъ ляхемъ». Арабъ говоритъ: «бисмилляхъ», что значить: «во имя Божіе». А по-еврейски эти же слова надо сказать такъ: «бешемхаелохимъ». Такихъ сходныхъ словъ и оборотовъ во всѣхъ семитскихъ языкахъ много. Почему же они появились? Опять такъ неслучайно, а потому, что всѣ эти языки сами собой сдѣлались понемножку изъ какого-то очень стариннаго семитскаго языка, на которомъ говорили всѣ люди семитскаго племени въ очень старинныя времена. Никакихъ другихъ семитскихъ языковъ тогда еще не было, а былъ только одинъ обще-семитскій языкъ. Что это было за племя, изъ кото-

раго произошли всѣ другія семитскія племена, — неизвѣстно. Гдѣ и когда оно жило, — тоже неизвѣстно. А все-таки оно жило и размножилось, и заселило многія земли, на примѣръ, Аравію, Палестину и другія. А расселившись по разнымъ странамъ, это племя понемногу перемѣнилось. Въ разныхъ странахъ по-разному, потому что и обстоятельства его жизни перемѣнились въ разныхъ мѣстахъ по-разному. Понемногу перемѣнился на новыхъ мѣстахъ и языкъ, на которомъ говорили переселенцы этого стариннаго обще-семитскаго племени, родоначальника многихъ позднѣйшихъ семитскихъ племенъ. Благодаря этому, изъ ихъ прежняго общаго всѣмъ языка сдѣлалось нѣсколько другихъ языковъ того же самаго семитскаго корня. Съ теченіемъ большого времени въ одной странѣ языкъ перемѣнился такъ, въ другой странѣ — онъ перемѣнился иначе, въ третьей опять иначе. И вышло изъ одного семитскаго языка нѣсколько другихъ семитскихъ языковъ того же корня, на примѣръ, еврейскій, арабскій, финикійскій, ассирійскій и др. Словомъ сказать, всѣ эти семитскіе языки появились на землѣ такимъ же самымъ способомъ, какъ и отдѣльные арійскіе языки.

Но откуда же и какъ появилось такое различіе языковъ арійскихъ отъ языковъ семитскихъ? Оно тоже появилось съ теченіемъ времени и тоже очень большого. Когда-то не было на свѣтѣ ни арійскихъ, ни семитскихъ племенъ и языковъ, а были только племена и языки—ихъ родоначальники, отъ которыхъ они и произошли понемногу и очень медленно. У всѣхъ арійскихъ языковъ былъ свой родоначальникъ-языкъ, у всѣхъ семитскихъ—свой. Какъ же появились языки-родоначальники? Разумѣется, тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ всегда появлялись и появляются на свѣтѣ всякіе человѣческіе языки: у языковъ семитскихъ вмѣстѣ съ арійскими тоже былъ когда-то одинъ общій родоначальникъ, то-есть, еще болѣе старинный языкъ, изъ котораго и произошли эти два языка. Жило когда-то племя, которое было родоначальникомъ какъ семитскихъ, такъ и арійскихъ племенъ. Когда же оно существовало на свѣтѣ? Разумѣется, еще задолго до появления особыхъ семитскихъ и особыхъ арійскихъ языковъ. А эти языки уже сильно отличаются одинъ отъ другого.

Чтобы появилось между ними такое различіе, должно было пройти огромное время. Гораздо большее время, чѣмъ

какое было нужно для меньшихъ перемѣнъ, для того, на-
примѣръ, чтобы изъ стариннаго арійскаго языка произо-
шелъ языкъ латинскій, славянскій и другіе того же корня.
Это время нужно считать многими десятками тысячъ лѣтъ.
И это по меньшей мѣрѣ.

Но и на этомъ еще дѣло не кончается: вѣдь на свѣтѣ
были, кромѣ языковъ семитскихъ и арійскихъ, и многіе
другіе, на нихъ вовсе непохожіе, на примѣръ, древне-вавилонскій,
древне-китайскій, затѣмъ языки чернокожихъ
негровъ, краснокожихъ индѣйцевъ и другихъ племенъ,
населяющихъ разныя страны земли съ незапамятныхъ
временъ. А эти-то племена и ихъ языки откуда взялись?
Но вѣдь всѣ люди изъ одной человѣческой породы. Когда
тѣмъ же способомъ, какъ и прочіе человѣческіе языки и
племена: люди отъ людей, языкъ изъ языка, новый изъ
стариннаго, а тотъ—изъ еще болѣе стариннаго, а тотъ—
еще и еще изъ стариннаго, самого стариннаго. И такъ да-
лѣе, вплоть до того звѣринаго языка, на которомъ когда-то
говорили люди-полузвѣри.

Но вѣдь всѣ люди изъ одной человѣческой породы.
Когда-то у всѣхъ у нихъ былъ одинъ общій языкъ, похожій
на звѣриный,—когда-то всѣ они говорили при помощи кри-
ковъ и тѣлодвиженій и иначе и не могли говорить, потому
что не хватало на это ума. А ума не хватало потому, что
его и не могло быть при такомъ устройствѣ мозга, какой
былъ у самыхъ старинныхъ людей. А какой у нихъ былъ
мозгъ,—это узвано съ точностью и достовѣрностью по ста-
риннымъ и окаменѣлымъ человѣческимъ костямъ. Такія
кости найдены въ разныхъ концахъ земли, въ очень ста-
ринныхъ пещерахъ и въ пластахъ, осѣвшихъ изъ воды.
Особенно удивительно то, что у очень старинныхъ людей
помѣщалось въ головѣ меньше мозга, чѣмъ сколько помѣ-
щается теперь даже у самыхъ дикихъ дикарей. Сколько
же времени нужно было, чтобы такъ перемѣнилось устрой-
ство человѣческой головы и чтобы она сдѣлалась больше
и вмѣстительнѣе? На это должны были уйти по меньшей
мѣрѣ сотни тысячъ лѣтъ¹⁾. Значитъ, вотъ сколько вре-
мени понадобилось для того, чтобы изъ одного звѣринаго
языка произошли всѣ теперешніе человѣческіе языки. А
они все таки произошли. И коли они существуютъ,—

¹⁾ Объ этомъ разсказано въ книжкѣ „Когда, какъ и почему по-
явились люди на землѣ“. Изд. „Прометей“.

этимъ самымъ и доказывается великая древность человеческого рода. *Языкъ человеческій—тоже великая древность.*

Какой же изъ всѣхъ языковъ, существующихъ на землѣ, самый старинный?

Какой же языкъ прирожденъ человеческому роду? На какомъ же именно языкѣ говорили самые первые люди, раньше другихъ появившіеся на землѣ? На такіе вопросы очень интересно получить отвѣтъ. Вотъ что говорится насчетъ этого въ одной старинной книгѣ.

Лѣтъ триста тому назадъ въ Индіи жилъ нѣкій ханъ, по имени Джель-эль-эддинъ Мохаммедъ, по прозванію Акбаръ, что значитъ «Великій». Въ большинствѣ случаевъ повелители народовъ бываютъ людьми недалекими, но Акбаръ ханъ былъ человѣкъ очень умный и образованный для того времени. Захотѣлъ онъ узнать, какой именно языкъ нужно считать прирожденнымъ человеческому роду.

Отъ кого-то Акбаръ слышалъ, что такимъ языкомъ нужно считать языкъ еврейскій, потому что на немъ говорилъ Адамъ, первый человѣкъ, о которомъ разсказывается въ еврейскомъ Священномъ Писаніи. Но Акбаръ былъ человѣкъ мудрый, и потому чужимъ словамъ не всегда вѣрилъ, хотя-бы то были слова писанія. Акбаръ по мѣрѣ силъ старался разобрать и провѣрить ихъ. И вотъ онъ захотѣлъ узнать какимъ-нибудь инымъ способомъ, правда ли то, что говорили ему о еврейскомъ языкѣ? И ханъ отдалъ такой приказъ: немедленно взять отъ родителей двѣнадцать грудныхъ дѣтей, отвести ихъ въ особый ханскій дворецъ, а къ дѣтямъ приставить двѣнадцать нѣмыхъ кормилицъ. Эти кормилицы должны были воспитывать дѣтей до двѣнадцати-лѣтняго возраста.

Такой приказъ Акбара хана былъ исполненъ: двѣнадцать ребятъ были отведены въ его дворецъ, который находился близъ города Агры. Дѣтей и вправду стали воспитывать нѣмыя кормилицы, которыя не могли выговорить ни одного слова. Ни одинъ человѣкъ не смѣлъ приходить въ этотъ дворецъ, подъ страхомъ смертной казни, а если кто и приходилъ, то не дальше, какъ до дворцовыхъ воротъ. Но тамъ его встрѣчалъ единственный дворцовый сторожъ, который тоже былъ нѣмымъ.

И вотъ прошло двѣнадцать лѣтъ. Дѣти выросли. Тогда Акбаръ ханъ рѣшилъ, что настала пора узнать съ точностью и съ достовѣрностью, на какомъ же языкѣ заговаривать дѣти, никогда не слышавшія никакого человѣческаго языка. Если и правда, что еврейскій языкъ—самый старинный и прирожденный всему человѣческому роду, значитъ, на немъ-то и должны заговорить эти дѣти сами собою, безъ всякой выучки.

Собралъ Акбаръ ханъ къ себѣ во дворецъ ученыхъ людей изъ разныхъ странъ. Тутъ были и евреи, и персы, и индусы, и арабы, и халдеи, и разные другіе. И всѣ эти мудрецы говорили и доказывали, что на ихъ-то языкѣ и должны сейчасъ заговорить дѣти, не обученные никакому языку. И каждый мудрецъ указывалъ на священныя книги своего народа, въ доказательство своихъ словъ.

И вотъ привели дѣтей, воспитанныхъ нѣмыми кормилицами, и Акбаръ ханъ заговорилъ съ ними.

И что же оказалось? Эти дѣти не заговорили ни на какомъ языкѣ.

Они *совершенно* не умѣли говорить, хотя и не родились нѣмыми и глухими отъ рожденія. Дѣти только мычали, кричали, и издавали разные дикіе звуки, подобно тому, какъ это дѣлаютъ животныя.

Дѣти, воспитанные безъ языка, говорили только на звѣриномъ языкѣ. Не слыша никогда никакого разговора другихъ людей, дѣти и сами не научились говорить, и обходились безъ всякаго языка. Значитъ, ихъ прирожденнымъ языкомъ оказался языкъ звѣриный, попросту сказать, звѣриные крики, вопли и тѣлодвиженія.

Значитъ, вотъ какой языкъ оказался дѣйствительно самымъ стариннымъ.

Такъ говорится въ старинной книгѣ, которая написана католическимъ священникомъ, вѣрящимъ отъ слова до слова Священному Писанію.

Священникъ такъ и написалъ, какъ было дѣло, хотя слова Священнаго Писанія и не оправдались.

Чтобы говорить по человѣчески, нужна выучка.

Что Акбаръ ханъ узналъ, то онъ и долженъ былъ узнать: въ старину люди говорили на звѣриномъ языкѣ. Это доказывается не только такимъ способомъ, какой придумалъ Акбаръ ханъ, а и многими другими. Вѣдь до сихъ поръ въ природѣ cadaго человѣка есть кое-что звѣри-

ное. Сотни лѣтъ тому назадъ, этого звѣринаго было у него еще больше, а въ давно минувшія незапамятныя времена и того больше.

Было время, когда всѣ люди, какіе только существовали тогда на свѣтѣ, были совсѣмъ непохожи на нынѣшнихъ людей. И внѣшній видъ, ч ухватки были у нихъ звѣриныя, да и житье-бытье тоже. Жили тогда люди не государствами, а стадами или стаями, каждая стая по нѣскольку головъ, вѣродѣ того, какъ теперь живутъ обезьяны. И разговаривали тогда люди между собою на такомъ языкѣ, на какомъ разговариваютъ и звѣри. Если бы люди не учились отъ людей своему человѣческому языку, такъ они и теперь бы разговаривали по-звѣриному.

Значить, вотъ почему мы всѣ говоримъ по-человѣчи, каждый на своемъ языкѣ: такъ мы говоримъ, благодаря внучкѣ. Вся суть въ ней. Кто въ какой семьѣ родился или воспитался, тотъ на такомъ языкѣ и говорить.

Человѣческій языкъ вовсе не чудо.

Говорятъ, что языкъ человѣческій чудо изъ чудесъ. Правильно,—съ перваго взгляда кажется, что въ человѣческомъ языкѣ есть дѣйствительно много чудеснаго. Изъ этой книжки видно, чудо или не чудо человѣческій языкъ. Люди всегда называли и называютъ чудомъ то, что имъ кажется очень ужъ удивительнымъ и совершенно непонятнымъ. Что стало яснымъ и понятнымъ, то уже не считается чудомъ. Хотя и удивительно то, что миллионы миллионовъ людей понимаютъ другъ друга, но языкъ человѣческій все-таки не чудо. Если бы всѣ люди сразу перестали говорить по-звѣриному и заговорили бы по-человѣчески,—это дѣйствительно было бы чудомъ. Если бы всѣ человѣческіе языки появились внезапно, это было бы чудомъ изъ чудесъ. Но вѣдь этого не было и быть не могло. Всѣ человѣческіе языки появились на землѣ понемножку, выработались постепенно, звукъ за звукомъ, слово за словомъ, оборотъ за оборотомъ. И не только появились когда-то, но и теперь появляются такимъ же самымъ способомъ. Да иначе и не могло и не можетъ быть. И мы всѣ, люди, постоянно помогаемъ ихъ появленію. Помогаетъ, сами того не замѣчая и не понимая. Помогаетъ, выговаривая слова на свой особый ладъ, придумывая новые обороты рѣчи, забывая слова и обороты старинные. Вѣдь это никто иной, какъ мы, люди, дѣлаемъ. А отъ этого-то и совершаются всѣ

перемѣны во всѣхъ языкахъ. Но вѣдь то, что мы сами дѣлаемъ, мы не считаемъ чудомъ. Всѣ перемѣны въ языкѣ совершаются *благодаря намъ самимъ*. Значитъ, и въ появленіи разныхъ языковъ нѣтъ, и не было и не можетъ быть никакого чуда.

Всѣ народы—родственники другъ другу.

Говорятъ, языкъ—главное отличіе племени отъ племени и народа отъ народа. Это совершенно правильно. Но вотъ что не слѣдуетъ забывать: люди могутъ быть изъ одного и того же племени, а языки у нихъ могутъ быть все-таки разными. Такъ, наприимѣръ, на Балканскомъ полуостровѣ живетъ множество разныхъ славянскихъ народовъ,—сербы, черногорцы, болгары и другіе. Рядомъ съ ними живутъ турки. Славяне исповѣдуютъ христіанскую вѣру, а турки—магометанскую. Что же это за турки, живущіе на Балканскомъ полуостровѣ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это тѣ же славяне, только принявшіе магометанскую вѣру. Благодаря этому, они разошлись и отдѣлились отъ своихъ и сблизились съ турками и поэтому стали говорить больше всего на турецкомъ языкѣ, и стали позабывать свой родной языкъ, славянскій. Значитъ, языкъ-то у нихъ перемѣнился, но кровь въ жилахъ, племя, разумѣется, осталось тоже самое. Ясное дѣло, что одинъ и тотъ же языкъ можетъ переходить отъ народа къ народу.

Бывали нерѣдко такіе случаи: жилъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ земли какой-нибудь маленькій народъ или племя. Жили тихо и мирно. Вдругъ откуда-нибудь издалека надвигались на него иноплеменные враги, набрасывались съ огнемъ и мечомъ и покоряли этотъ народъ подъ свою власть. Побѣдители уводили къ себѣ побѣжденных въ плѣнъ, въ рабство, а то и сами селились въ завоеванной странѣ на чужой, присвоенной землѣ. Всѣхъ захваченныхъ мужчинъ побѣдители обыкновенно дѣлали своими рабами, а женщинъ брали въ жены и наложницы. Рабы волей-неволей должны были научиться тому языку, на которомъ говорятъ ихъ господа, да и жены и наложницы тоже. Отъ такихъ браковъ рождались дѣти. Онѣ тоже начинали говорить не на томъ языкѣ, на которомъ когда-то говорили ихъ матери. Также происходило и съ дѣтьми рабовъ. И выходило въ концѣ концовъ, что племя, какъ бы сливалось съ племенемъ, старый родной языкъ съ теченіемъ времени совсѣмъ забывался, выходилъ изъ упо-

требленія, а на его мѣсто становился другой языкъ. Такимъ способомъ, напримѣръ, нѣмцы въ Пруссіи покорили славянъ, которые тамъ жили когда-то; венгерцы покорили другіе народы, которые когда-то жили въ нынѣшней Венгріи; русскія племена около тысячи лѣтъ тому назадъ покорили мордву, черемисовъ, мерю и другихъ финновъ, которые жили когда-то въ Московской, Владимірской и другихъ губерніяхъ. Отъ этихъ племенъ тамъ не осталось почти и слѣда. Теперь всѣ, кто живетъ въ этихъ губерніяхъ, считаютъ себя русскими. Но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не русскіе, а лишь полурусскіе, потому что въ ихъ жилахъ течетъ отчасти русская, а отчасти финская кровь.

И такихъ случаевъ за многія тысячи лѣтъ было очень много въ разныхъ концахъ земли.

Значитъ, можетъ случиться такъ: иное племя хоть и говоритъ напримѣръ, на языкѣ нѣмецкомъ, а само оно племя славянское. Другое племя говоритъ, напримѣръ, на языкѣ арабскомъ, а въ его жилахъ течетъ итальянская кровь.

Значитъ, языкъ, на которомъ говоритъ племя, одна статья, а происхожденіе этого племени—совсѣмъ другая статья. Поэтому, если кто говоритъ на нашемъ языкѣ, это еще не значитъ, что онъ навѣрное сродни намъ и по племени. Но нельзя утверждать и того, что ужъ если люди говорятъ на другомъ языкѣ, такъ въ ихъ жилахъ не течетъ той же крови, какая и у насъ. Нѣтъ, за десятки и сотни тысячъ лѣтъ всѣ племена и народы успѣли много разъ перемѣшаться кровью. Иначе и быть не могло.

Такъ было на всей землѣ, такъ будетъ и впредь. Когда-нибудь всѣ отдѣльные языки забудутся и словно вымрутъ, а вмѣсто нихъ всѣ люди будутъ говорить на языкѣ, одинаковомъ для всѣхъ людей. Такой языкъ понемножку и сложится въ свое время. Уже теперь постепенно перемѣшиваются слова изъ разныхъ языковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлаются достояніемъ всѣхъ племенъ и народовъ. Такихъ общихъ словъ накопится съ теченіемъ времени много-много. Этому поможетъ сама жизнь, торговля и всякія иныя сношенія людей съ людьми, обмѣнъ мыслей, изобрѣтеній, книги, газеты. Обороты рѣчи тоже понемножку сдѣлаются одинаковыми у всѣхъ людей, и всѣ люди станутъ понимать другъ друга. И этого не можетъ не быть.

Но когда же это будетъ? А тогда, когда всѣ люди сдѣ-

лаются другъ другу друзьями и братьями, и народъ не будетъ итти противъ народа, племя противъ племени, когда братъ не будетъ убивать брата, когда богатые и сытые не будутъ обижать и истреблять бѣдныхъ и голодныхъ, когда люди не будутъ стрѣлять въ людей и когда чело-вѣкъ чело-вѣку не будетъ ни судьей немилостивымъ и не-праведнымъ, ни безжалостнымъ палачомъ.

К О Н Е Ц Ъ .